

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ С РИСКОМ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

НАДЫМ
2005

Ассоциация региональных исследовательских центров
(Группа «7/89»)

Научно-исследовательский центр «Горизонт-М»

Администрация муниципального образования Надымский район

:

17 63 : "

8 "

" 4 2 2 7 "

"

"

НАДЫМ
2005

ББК 60.5
Э-1

Экстремальная социология: исследования с риском для исследователя.
\\ Ассоциация региональных исследовательских центров (Группа «7/89»), Научно – исследовательский центр «Горизонт–М», Администрация муниципального образования Надымский район. 104 стр.

“ “ “ “

ISBN 5-94166-067-8

© Содержание - Авторский коллектив 2005

© Составление и техническая редакция – И.Задорин, А.Стожаров 2005

Предисловие	4
Круглый стол «Экстремальная социология: исследования с риском для исследователя» 17.09.2005, г. Надым (Стенограмма)	8
С.Хайкин Экстремальная социология: методология и опыт конкретных исследований в зоне социально-политического и военного конфликта	40
Л.Нурдинова, А.Березовский, К.Русяева, В.Звоновский Работа с ВИЧ-инфицированными респондентами	61
А.Салагаев, И.Туриянский Опыт исследования подростково-молодежных делинквентных группировок в Республике Татарстан.....	68
А.Олейник Мнимые и действительные риски для социолога при проведении исследования	92
Сведения об авторах.....	102

Конечно, профессия социолога не относится к опасным профессиям, таким как профессия военного, пожарного, водолаза, авиопилота и т.п. Однако даже во вполне мирных и комфортных в целом профессиях всегда есть такие аспекты, такие моменты деятельности, которые можно смело отнести к довольно рискованным и весьма небезопасным. Иногда для имущества, репутации, социального статуса, а порой для здоровья и самой жизни. И в каждой профессии всегда находятся свои экстремалы, которые своей повседневной нормой делают то, что для других всегда останется непонятным, неприемлемым и невозможным. Обычный врач-терапевт становится врачом военного госпиталя в горячей точке, обычный учитель идет работать в колонию для несовершеннолетних убийц, а обычный водитель автобуса переучивается, чтобы возить огромные трубы для газопровода на Крайнем севере.

Есть такие экстремальные моменты и такие экстремальные люди и в прикладной социологии. Более того, время сейчас постоянно «подкидывает» новые задачи, все чаще заставляющие российского исследователя браться за проекты, ранее казавшиеся невозможными. Социологические экстремалы проводят интервью с представителями криминальных группировок, «включено» наблюдают за поведением игроков финансовой пирамиды, стараются воссоздать трагический путь конченного наркомана, наконец, работают в зоне вооруженного межнационального конфликта.

И вот здесь помимо понятного уважения (а порой и восхищения смелостью) возникают естественные профессиональные вопросы: а возможно ли вообще корректное социологическое измерение в чрезвычайных условиях, возможны ли какие-либо методические ограничения (послабления) и какие, что можно сказать о способах повышения безопасности социологической работы, каким образом он должен страховаться и минимизировать риски без потери качества исследовательского продукта.

Указанные вопросы мы захотели обсудить вместе с коллегами и товарищами – руководителями региональных исследовательских центров. По нашему глубокому убеждению, именно «регионалы»-прикладники в силу своей большей близости к «полю» и специфике провинциальной жизни гораздо чаще москвичей («академиков» и «сетевых» агентств) сталкиваются с экстремальными ситуациями, объек-

тами и темами.

В сентябре 2005 г. в г. Надым (Ямало-Ненецкий АО) в рамках очередной 10-й встречи Ассоциации региональных социологических центров «Группа «7/89»¹ был проведен Круглый стол – семинар «Экстремальные социологические исследования». Семинар имел две основные цели: 1) Обсуждение сравнительно нового понятия и нового направления – как «практики проведения социологических исследований с физическим и материальным риском для исследователя, 2) Обсуждение имеющегося опыта, методологических подходов и конкретных методик проведения экстремальных социологических исследований.

В самом предварительном варианте была определена предметная область экстремальной социологии – методология и технология исследований, в которых объект, предмет, метод или условия исследования создают повышенный риск (высокую вероятность) нанесения ущерба имуществу, здоровью и даже жизни исследователя. При этом мы предложили рассмотреть три основных, на наш взгляд, фактора риска:

1. Опасный исследования, например, криминальные сообщества, заключенные, маргинальные социально-экономические группы ("бомжи", "отшельники") маргинальные социально-политические группы (в т.ч. полуподпольные экстремистские группировки, тоталитарные религиозные секты и т.п.), инфекционные болезни, наркоманы и т.п.

2. Опасный и/или исследования - особая тематика и/или способ исследования (в т.ч. социально-психологические эксперименты), могущие вызвать резкую эмоциональную реакцию и агрессию респондентов и/или окружающих.

3. Опасные исследования - особые условия проведения исследования, связанные с риском (зоны военных действий или межнациональных, религиозных и прочих острых социальных конфликтов, экстремальные географические и климатические условия, экстремальный режим проведения исследований и т.п.)

Кроме того, интересно было обсудить основные " " при сохранении методологической корректности получения данных.

---

¹ В состав Ассоциации региональных социологических центров «Группа «7/89» в настоящее время входят 16 исследовательских компаний из разных регионов Российской Федерации (подробнее см. www.789.ru).

Материалы дискуссии вместе со специальными работами приглашенных авторов изначально предполагалось опубликовать в виде тематического сборника статей, что и было подтверждено соответствующим решением собрания Ассоциации.

Содержание настоящего сборника можно условно разделить на три части. Первую часть составляет

«*Экстремальность социологических исследований*», состоявшегося в г. Надым 17 сентября 2005 г.. Участники круглого стола поделились своими соображениями о том, что могло бы характеризовать социологические исследования как экстремальные, рассказали о своем реальном опыте проведения таких исследовательских проектов, связанных с известным риском для здоровья и даже жизни социолога. Профессор С.Хайкин, принимавший участие в надымской дискуссии и сделавший там, безусловно, центральное сообщение об исследованиях в Чеченской республике, подробно изложил свой опыт в статье «*Экстремальность социологических исследований*»

- «*Экстремальность социологических исследований*» / «*Экстремальность социологических исследований*» - Данная статья вместе со статьями представителей двух центров – членов «Группы <7/89>» (см. материалы Л.Нурдиновой с коллегами и А.Салагаева и И.Туриянского) - составила вторую часть сборника, включающего публикации о конкретных прикладных исследованиях экстремальных социологических объектов. Наконец, третью часть настоящего издания представляет статья А.Олейника, социолога известного своими исследованиями тюремной субкультуры, на этот раз решивший разобраться с профессиональными рисками совсем другого рода, относящимися к рискам для социального статуса исследователя.

Составители сборника несомненно понимают пилотный характер данного издания, как по содержанию, так и по форме. Целью сборника не могло являться всестороннее описание того, что можно было бы назвать экстремальной социологией. Мы лишь попытались обозначить проблему и «запустить» большой профессиональный разговор об исследованиях в условиях риска. Будем рады продолжить этот разговор со всеми, кто заинтересовался темой и хотел бы разобраться в ней подробнее.

«*Экстремальность социологических исследований*» . «*Экстремальность социологических исследований*»

декабрь 2005 г.

" " < " " +
 3 9 0 2 ; 0 4 2 2 7* . " 0 "
 (-) ,

Наш семинар, круглый стол посвящен экстремальной социологии. Название новое, понятие еще только складывается. Пока мы вводим такое первичное определение: экстремальная социология – это социологические исследования с риском для исследователя. При этом имеется ввиду прежде всего максимальный риск для здоровья и жизни исследователя, хотя некоторые коллеги допускают, что экстремальная социология может включать в себя риски и для имущества и/или репутации исследователя, но вообще-то в этом случае у нас практически вся деятельность может быть отнесена к таковой.

Для начала мы выделили три группы факторов риска. Первый фактор – опасный объект исследования, который несет в себе определенный риск. Под объектом подразумеваются разные группы респондентов – бомжи, криминальные элементы, сообщества маргинального характера, заключенные и т.д. Следующий фактор – когда риск несет в себе предмет исследования, такой необычный предмет с тематикой, которая может спровоцировать нормального человека, вызвать у него ненормальную реакцию, даже агрессию, на проводимое исследование. Есть такие темы, которые являются достаточно чувствительными для респондентов, и они могут вызвать соответствующую реакцию агрессивного характера. Третья группа факторов риска – это необычные, опасные условия исследования. В первую очередь это исследования в зоне военных, межнациональных, религиозных и прочих острых социальных конфликтов. Но есть и другие экстремальные условия. Наш семинар не зря приурочен к встрече в Надыме, поскольку лучшего места для наглядности экстремальных климатических и географических условий, когда интервьюеры работают на улице в 40-градусный мороз, трудно представить.

О чем бы я предложил поговорить? Понятно, что мы не сможем сегодня четко, структурно определить понятие, найти место экстремальной социологии на карте всей большой социологии, да это и не может быть задачей нашего сегодняшнего круглого стола. Мы попробуем показать коллегам наиболее типичные случаи, которые могут

быть отнесены к практике экстремальной социологии. Пока постараемся как-то обозначить эту область нашей работы на уровне случаев. И второе: было бы очень правильно, если бы мы все вместе ответили на два принципиальных вопроса.

Вопрос первый об ограничениях, которые соответствующие экстремальные условия накладывают на методику исследования. Чтобы собрать качественную информацию, как правило, исследователь вынужден до реализации рискованной ситуации от чего-то отступить. При этих отступлениях все-таки собирают достоверную социологическую информацию. Но, бывает, минимизируя степень риска, социолог уже делает не социологическое исследование, а что-то другое, и соответственно мы уже не можем говорить о достоверной социологической информации. Вот эти ограничения методического характера, которые могут присутствовать в нашей работе, и есть вопрос номер один.

Второй вопрос: есть ли какого-то рода организационные меры, которые должны были бы приниматься исследовательскими предприятиями, сообществами, в некотором смысле социологическим профсоюзом, для компенсации экстремальных условий труда. Вообще-то почти все мы здесь представляем коммерческие организации и должны, наверное, просто ставить вопрос о стоимости рискованных работ, которая должна быть отличной от стоимости типовых обычных работ.

Вот такие два вопроса: методические ограничения и меры организационного характера, которые могли бы компенсировать работу в экстремальных условиях.

Сначала у нас запланировано выступление главного, я думаю, российского социологического «экстремала» - Сергея Романовича Хайкина, который расскажет о работе в Чеченской республике – самом горячем месте России. Потом каждый имеет возможность рассказать про свои типичные случаи. И затем - некоторая общая дискуссия.

. . . (.) .

Разговор пойдет по теме экстремальной социологии, постараюсь попасть в зону ваших интересов. Проблематика, которую мы обозначили, необычайно широка. И, к сожалению, повод для развития экстремальной социологии есть не только сегодня, но и закладывается на будущее. Сегодня на пространстве Российской Федерации есть зоны военных конфликтов, и стоит задуматься вообще о том, надо ли вооб-

ще принципиально проводить исследования в таких зонах. По этому вопросу есть две позиции. Первая выражена профессором Юрием Левадой, руководителем известного исследовательского центра, который говорит, что люди в таких условиях не смогут отвечать на вопросы, они побоятся, и не дело социологов лезть в эти зоны и задавать вопросы. Он говорит, наша позиция придерживаться других методов, отличных от методов спецслужб или журналистских методов собирать информацию. Вторая позиция, могу считать себя сторонником этой позиции, в том, что практически нет ситуаций, когда мы лишены возможности проводить исследования с изучением общественного мнения. И самое главное, практически нет современной жизненной ситуации, когда это не было бы нашей обязанностью. Помните, о чем мы говорили вчера – о миссии региональной социологической службы. И эта миссия – предоставить обществу обратную связь. Да, мы должны думать о том, что нам надо зарабатывать деньги, думать о том, как проводить исследование, ведь на общественных началах невозможно ничего сделать путного. Но есть миссия. И одна из миссий, которая перед нами стоит, это рассказать обществу о том, что там происходит. Иначе начинается поток ложной информации, принимаются ложные решения, и дальше будет длиться война. Я попытаюсь аргументировать эту точку зрения совершенно простыми примерами.

Исследования общественного мнения регулярно идут на территории Палестины. Именно регулярно! Общество знает, что думают палестинские граждане. Изучение общественного мнения идет на территории Судана. Это от нас далеко, мы же у себя в Европе, а там, где погибает человек, тем не менее, проводятся исследования. В прошлом году в Москве собралась 16 международная конференция исследователей зарубежных средств массовой информации. Вот там мои коллеги рассказывали, как они работают в Афганистане. Когда нельзя просто пройти в дом одному, только мужчина с женщиной вместе ходят как интервьюеры. Когда должны обращаться только к старшему в семье, а уже старший позволяет разговаривать с младшей женой, к примеру. Сейчас мой товарищ работает в Ираке. И обществу очень нужны исследования в Ираке, чтобы понять, как население Ирака реагирует на происходящие там события.

И вот тут с самого начала возникает вопрос, так ли уж нужна эта экстремальная социология – социология с риском для жизни исследователя. Те методы социологических исследований, которые практику-

ют социологи московских центров, имеют минимальный риск. Приходит заказчик, приносит пакет заказов, что-то отправляется в регионы, в том числе в горячие точки, там что-то делается, получают результаты, которые потом публикуются. Какой тут риск для московского социолога? Никакого. И, кстати, некоторые исследования на территории Ирака проводятся американцами из-за пределов Ирака, они проводятся на границах Ирака. Кстати, такая вот простая идея: не подставляться и работать из-за границы. Мы тоже работали в Чечне с самый трудный момент, внутри находиться было невозможно, очевидно и разумно было проводить исследование с территории сопредельного государства, на автобусе из Махачкалы подъезжали к границе Чечни. Надо всегда помнить, предметом исследования является общественная атмосфера. Мы, социологи, самые любопытные создания на земле, и это любопытство толкает нас на исследования, а общественная проблема выражена в материальной форме – в форме заказа, если б не было заказа, не было б работы. Российское правительство не в состоянии было проводить опросы, оно даже и не думало об исследованиях. Было одно интересное время, когда во время войны разрушилась даже телевизионная сеть, тогда все люди начали скупать китайские радиоприемники, и в это время был всплеск радиоактивности населения, дикий всплеск. Ведь должно было общество знать хоть что-то о себе. Потом телевидение вернулось в Чечню. Первый наш заказ был заказ от людей, которые занимались средствами массовой информации. Началось вещание на чеченском языке. И меня попросили, вы не можете что-нибудь как-нибудь хоть немножко поисследовать. Заказчик предложил и поставил специальную задачу, а может до того, как ехать в Чечню, побеседовать с московскими чеченцами? Но для того, чтобы понять, что там происходит, нет более далеких людей от Чечни, чем московские чеченцы. В самой Чечне их считают москвичами, хоть и своими, но все равно весьма холодно к ним относятся, как к людям, которые не испытывают те тяготы, которые испытывают коренные жители. От исследований в Москве мы отказались. А попробовали построить исследование следующим образом. Мы послали бригадиров из Махачкалы, нашли чеченцев, агентов отправили в республику. В то время я ничего не знал вообще о Чеченской республике с точки зрения структуры населения. Потому что перепись была, бог знает когда. Наши источники называли умопомрачительные цифры потерь, 300 тысяч, 500 тысяч, 600 тысяч, в общем, кто больше. А потом я понял, что это легенды Кавказа. 400 лет

длится война с Россией. Звучит, конечно, хорошо: маленький отряд шейха Мансура в 18 веке уничтожил более 30 тысяч русских солдат, да не было на Кавказе столько русских солдат. Это манера преувеличения на тот момент была характерна. И вот мы решили поступить таким образом. Отправили 5-6 агентов из чеченцев, которых эвакуировали на территорию Дагестана, отправили в республику. Я дал им требования к будущим интервьюерам, и мне привезли на территорию Дагестана 18 человек, если не ошибаюсь. Это все оплачивалось. И я стал их учить в течение трех дней, как стать интервьюером. И я их научил. Три дня шел семинар. А если учитывать, что у них шел месяц рамазан, когда они ничего не едят в течение светового дня, только в сумерки, это своя специфика. Через три дня их отправили на территорию республики, и уже через 20 дней я получил результаты первого опроса, которые благополучно выбросил в мусорницу. Это была подделка стопроцентная. Может быть, 99%. Отделить анкеты подлинные от мнимых было невозможно. С первой секунды я понял, что они меня рассматривали, как говорил Толстой, в качестве «свежего дурака с мороза», в лучшем случае спонсора. Вообще там идет дикий разврат, когда создаются разные фонды, фондики и фондушки, помогают им. И вот они увидели еще одного спонсора, который принес фондовские деньги, и их можно просто поделить, что они благополучно и сделали - освоили эти деньги. Они и получили раз в пять больше, чем российские интервьюеры. А проверять результаты, тоже требует больших затрат. Я своему знакомому говорю, ты не думаешь, что из Ирака сейчас получаешь примерно тоже самое, неправдоподобную информацию, только средств больше тратишь. Думай, каким образом будешь проверять результаты. Это тоже будет очень важный момент, каким способом проверять результаты проведенных опросов.

Таким образом, намечается первый промежуточный вывод. Если вы совсем человек сторонний, вообще ничего не знаете ни о народе, ни о его традициях, ни о нравах этого народа, и если вы только принесли хоть какие-то деньги, и хотите с помощью этих денег что-то узнать, получить ответы на поставленные вопросы, то это ничего не даст. Независимо от того, соблюли ли вы все методические процедуры. Я все сделал по правилам. Сделал выборку, провел полный курс обучения интервьюеров по полной программе, никогда я так не работал с интервьюерами раньше. И это не дало ровно ничего. Потом я понял, что они все время запугивали меня и держали в страхе. Например, ко-

гда везли анкеты из Махачкалы, показывали, как они прячут их под ковриком, ведь если, мол, поймают, ты же понимаешь, что с нами сделают, руки-ноги поотпиливают, голову отрежут. Я очень за них переживал. И выходит, совершенно напрасно. Потому что уже тогда можно было все спокойно перевозить.

В общем, первый опыт меня научил: либо ты отказываешься от этой работы, либо ты все же работаешь по-настоящему, осваивая объект, и рассказываешь обществу о том, что люди там думают.

Тогда возникает вторая проблема. Тебе нужно работать на территории, о которой у тебя нет информации, мало что известно. Например, тебе неизвестна половозрастная структура, я уже и не говорю про случайные методы отбора. Нам элементарно неизвестна половозрастная структура населения. Что делать? Когда мы не знаем, сколько мужчин, сколько женщин, старых и молодых, образованных и необразованных, живущих в деревнях и городах, мы ничего об этом не знаем. Решение этого вопроса оказалось решением проблемы. После первых двух опросов мы уже знали структуру населения без всякой переписи. Потому что в хвост первых анкет мы поставили простой и открытый вопрос: запишите пол и возраст всех членов вашей семьи, которые живут с вами под одной крышей. И люди написали: мужчины: пять месяцев, семь лет, 35 лет и дедушка 70 лет. Первый раз, когда мы получили половозрастную структуру не по квоте, второй раз уточнили, а на третий, четвертый раз уже получили полную картину. Опорные точки получились уже гораздо полнее и точнее. Хотя нас предупреждали, что никто не скажет полный состав своей семьи. Боялись за мальчиков. Если буду записывать молодых людей, то их придут и заберут. В то время, когда мы начинали, а это было в начале 2002 года, шли не только адресные, но и массовые зачистки, когда пропадали люди в больших количествах. Приезжали люди в камуфляже. Непонятно, кто это был, то ли это были военные, то ли спецслужбы, то ли незаконные вооруженные формирования, работающие на Россию или работающие против России, неясно.

Кстати, тут мы сталкиваемся с еще одной очень сложной проблемой. Мы с вами должны эту проблему обсудить. По действующим социологическим канонам в любом учебнике написано понятие правильности измерения. Правильность измерения доказывает повторением повторяющегося. Этот канон написан в любом учебнике. Повторимость (воспроизводимость) результатов повторных исследований. А

что, если мы снимаем систематическую ошибку? Если мы снимаем регулярно уровень страха, уровень недоверия. Я получаю повторяющийся результат. Но я получаю этот результат в силу того, что постоянно совершаю одну и ту же ошибку. Так вот, вернулись к истокам. Тогда мы решили работать непосредственно в Чеченской республике, решили, что надо работать именно там, на территории республики, с чеченцами, которые там находятся.

Игорь Вениаминович совершенно верно сказал, что мы взяли Чечню как пример наиболее яркий в области исследований экстремальной социологии. А с другой стороны, я вот вам немножко расскажу о результатах опросов. Вы же понимаете, что судьба России зависит во многом от того, как будет складываться ситуация на Северном Кавказе. Поэтому нам будет интересно посмотреть, что в действительности происходит в этом регионе. Не просто данные, а посмотреть, как люди там живут.

(Далее были представлены конкретные результаты исследований в Чеченской республике).

В заключение скажу, что за последние несколько лет нашему коллективу пришлось поработать в экстремальных условиях во многих местах. Я не буду называть экстремальной социологией работу на Севере, в Надыме. Все-таки, я считаю, когда холодно, и экстремальность заключается в теплом мехе, я бы не относил это к экстремальной социологии. Погодные условия к экстриму относить нельзя, так как при любой погоде можно сохранить репрезентативность исследования.

Существуют регионы, где не происходит военных действий, но в силу местных социально-политических условий и менталитета населения присутствует экстрим для всех участников исследования. К примеру, в Беларуси, Туркмении и Приднестровье существуют такие социально-политические условия, которые не дают социологу получить достоверную информацию и подвергают жизнь исследователя и респондента опасности, хотя военные действия там не ведутся. Помимо вышеперечисленных регионов к зонам экстрима можно отнести и некоторые города России, где присутствуют точно такие же социально-политические условия, где население опасается говорить что-либо против местной власти.

Существуют и такие зоны экстрима, где проводить исследования

невозможно, в силу таких факторов как:

1. тотальный запрет на опросы,
2. зомбированное население, которое искренне ничего не может сказать.
3. тотальный контроль властей.

Ярким примером подобной зоны экстрима выступает Северная Корея. Единственный способ получения информации в таких зонах - экспертный опрос.

Таким образом, когда речь идет об экстремальной социологии необходимо выработать оптимальную стратегию в конкретно заданных условиях для достижения целей с минимизацией потерь, связанных с отступлением от методики.

Вернемся к Чечне. Там было важно использовать не только количественные, но и качественные методы исследования, например такой метод как наблюдение, который очень редко используется, но благодаря которому при соблюдении методики можно получить не менее ценную информацию, чем количественными методами при проведении социального исследования.

Метод наблюдения дает исследователю более полную картину происходящего, нежели та картина, которая предоставляется нам СМИ и которая может быть искажена.

Чтобы работать в экстремальных условиях, таких как военные действия, необходима легенда и четкий план действий. Это позволит получить более достоверную информацию, нежели тогда, когда вы представитесь исследователем или корреспондентом. Легенда необходима не только для того, чтобы попасть на конкретную площадку, но и получить четкую и достоверную информацию. Помимо всего этого необходимо учитывать и уважать местные традиции, обычаи и веру. Главный принцип работы социолога в любых условиях – не лгать. Отсутствие лжи, известность об исследователе и ясность – основа безопасности.

Далее выступающему были заданы многочисленные вопросы по технологии опросов в Чеченской республике, в т.ч. о выборке, о языке, на котором работали интервьюеры, о половом составе интервьюеров, о сложностях «вхождения» в интервью и т.п.

. . ( ) .

При работе в Чечне вначале необходимо было построить репрезентативную выборку и найти интервьюеров. Сложность построения выборки состояла в том, что не было точных статистических данных о численности населения Чечни. Были взяты данные глав муниципальных образований, глав городских и сельских советов. Таким образом, получилась условная статистика о численности населения республики, достоверность, которой была условна. Был составлен мысленный список всего населения республики; от самого большого населенного пункта к самому маленькому. Из этого мысленного списка с помощью системного механического отбора при соблюдении определенного шага была составлена выборка в 1000 человек. Сейчас в Чечне ведется работа в 75 точках. Опросы проводились по месту жительства, среди населения старше 18 лет.

Что касается интервьюеров, то их набор осуществлялся из среды: учителей, студентов, молодой интеллигенции и статистиков.

Интервьюеры разговаривали у нас и на чеченском, и на русском языках. Потом спрашивали интервьюера, приходилось ли ему переходить с русского на чеченский язык. Затем мы определили, что на 10 анкет нужно 3-4 анкеты давать на чеченском языке.

По полу у нас количество интервьюеров не контролировалось. Как всем известно, лучший интервьюер – это женщина лет 35-ти. Мы не брали только детей или младшекурсников с детскими лицами. Затем я использовал еще трюк набора интервьюеров, распространенный на Западе. Мы отсылали респонденту, бумажку с благодарностью за участие в принятом опросе и предлагали ему стать интервьюером с указанием нашего телефона. Он естественно не звонил по указанному телефону, но зато отдавал эту бумажку своим знакомым, которые желали бы проводить опрос. Правда, набрали мы таким образом всего 5-7 интервьюеров.

Возвращаясь к трудностям проведения опросов на территории Чечни, стоит отметить следующее: аресты интервьюеров во время проведения каждого из опросов, нападение на интервьюеров со стороны боевиков и незаконных вооруженных формирований. В этой ситуации важно правильно формулировать вопросы, задаваемые респонденту. Интервьюеров обучали, как правильно начинать интервью, как выходить из экстремальных ситуаций. Помимо всего вышеперечисленно-

приехавшим, которые уже по одной этой причине действительно являются экстремалами. Тем более эта тема не так часто ставилась и обсуждалась социологическим сообществом.

Если говорить о нашей территории, на которой мы работаем вот уже 15 лет, то экстрим здесь был и будет всегда. Экстрим заключается не только в погодных условиях (понятно что в средней полосе России не часто ведутся полевые маршрутные опросы при температуре минус 44 градуса), но и в маршрутах. Так, в 1992 году нам приходилось ходить по «балкам» (баракам), где не существовало четкой нумерации домов и названий улиц. Возникла проблема правильно построить выборку. Коллеги, начинающие работать на территории ЯНАО позже – в Ноябрьске и Муравленко, Лабытнангах и Тарко–Сале сталкивались с теми же экстремальными ситуациями.

За все время работы нашими общими усилиями совместно с департаментом информации и общественных связей ЯНАО образовалась общая партнерская сеть. В конце 2004 года нам уже удалось сделать «тысячник» по всем тринадцати городам и райцентрам округа за неделю. Во всех крупных точках округа есть наши партнеры, которые оперативно могут предоставить нужную информацию.

Наибольшему экстриму подвергается полевой сотрудник, т.к. ему приходится работать с разными людьми. Полевика нужно любить. Полевая работа - опасная работа. В нашей практике случались такие случаи, когда полевик попадал в конфликтные ситуации, связанные с экстримом (когда на интервьюера нападал человек с ножом в руках, либо когда интервьюер попадал под автобус и др.). Во избежание подобных ситуаций с полевиком проводится инструктаж по методике работы и по технике безопасности.

И случаев когда такой инструктаж бывал не лишним достаточно много – это и работа в 1993 году во время городских надымских забастовок, это работа в предвыборных кампаниях, во время проведения полевых работ по методике exit poll, полевые маршруты в национальных поселках и среди тундрового населения. Неважно, на какой территории происходит экстрим, можно и все в той же Уфе или Воронеже попасть в такие условия, у каждого региона он свой. Поэтому у нас с вами есть возможность сегодня поделиться этим жизненным опытом, связанным с экстремальной социологией, к чему я вас всех и призываю.

. . . ( ) .

Спасибо. Предоставим слово Сергею Юрьевичу Цыпленкову из Калининграда.

. . . ( ) , « - » .

Хотелось бы описать ситуации, связанные с экстримом в моей работе. Всего их было моей практике четыре.

Ситуация первая произошла в одной из сибирских провинций. Стояла задача: понять механизм скупки акций Компании «А» (назовем ее так). Чтобы было понятно: в регионе дыхнуть в другую сторону, не спросив разрешения Компании «А», просто нельзя. Кроме того, в маленькие городки добраться без разрешения, выделения транспорта администрацией Компании «А» было невозможно. Еще одна и главная трудность заключалась в том, что Компании «А» никто не должен был знать, что ищется механизм скупки их акций. Задача экстремальная, как мы видим. Да, нас сразу предупредили, если что узнают, то мы отсюда и не вернемся. Работал я там, как социолог, без какой либо легенды. Для начала нужно было провести опрос населения региона, чтобы выяснить, кто является владельцами акций, чтобы затем с ними провести фокус-группу. Задача решалась следующим образом: мы провели опрос среди населения региона, который был составлен под видом политического опроса, где помимо всех прочих вопросов, присутствовал вопрос: «Владеете ли вы акциями Компании «А»?», с помощью которого мы и выявили владельцев акций. В фокус-группе задавались вопросы: «Что для вас эта земля?», «Хотите ли вы отсюда уезжать или не хотите?», «Почему?», «Что Вас здесь держит?», «Вы к ней привыкли?», а держит то и то и то... И вот когда такой разговор прошел, в итоге обнаружился элементарный, лежащий на поверхности механизм, с помощью которого можно было все эти акции у населения скупить. Механизм, естественно не рассказываю...

Ситуация вторая. Примерно такая же задача, как и в первом случае, стояла в одном из районов Коми. Там был небольшой леспромхоз, и задача заключалась в том как «взять» этот леспромхоз. Сложность задачи заключалась в том, что леспромхоз уже пытались «брать», но пока неудачно, и поэтому хозяева данного предприятия с опаской относились ко всем приезжим и приставляли к ним своих людей, кото-

рые раньше состояли в ФСБ. Добраться до населенных пунктов, где находится леспромхоз, расположенных достаточно далеко друг от друга, тем более зимой – еще одна сложность задачи. Необходимо было провести опрос населения поселков и экспертный опрос владельцев леспромхоза. Охрана, приставленная к нам от леспромхоза, следила за нами повсюду. Как итог нас три раза вывозили на трассу. В работе с местным населением нам стало ясно, что предлагать здесь опрос местного населения не имеет смысла, т.к. его там практически и не было, с населения нечего было взять. Даже большими деньгами ситуацию исправить было нельзя. Тогда мы пошли на проведение экспертных опросов внутри правления леспромхоза. В ходе проведения фокус-группы с владельцами леспромхоза удалось обнаружить большие разногласия внутри руководства леспромхоза. И тогда выстроился немного другой механизм работы: смена менеджмента, предложение другому человеку стать главой леспромхоза и помочь ему им стать, чтобы он заправлял всем. Ну вот, немного другая экстремальная задача. Понятно, что это немного не этично с точки зрения социолога.

. . . ( ) ,
Экстрим здесь есть, а где социология?

. . . ( ) ,
» .

На самом деле социология здесь есть. Присутствует. В чем? Вот в Якутском варианте на 100% присутствует социология. Задача: понять мотивацию, как понял мотивацию - найти эту мотивацию. Как понял мотивацию, все встало на свои места. А найти мотивацию – это вы уж меня извините - задача социолога. Но, помня этические нормы социолога, я себе сказал – все этими вещами я больше не занимаюсь. Много раз ко мне обращались с подобными задачами, но я всем отказывал. Я попробовал это, знаю, что это такое, и не собираюсь этим заниматься еще раз.

Ситуация третья. Калининград. Январь месяц. Заказчик одна нефтяная компания, которая собирается входить в Калининград, строить, покупать нефтезаправки. Задача: считать машины на трассе (грузовые, легковые) в тяжелых погодных условиях. Тяжелые погодные условия заключались в сильном ветре, сырости, морозе. Поэтому рас-

ставляли палатки в полях, один человек считал, другой грелся, потом менялись местами.

Ситуация четвертая. Анекдотичная. Рассказал один знакомый интервьюер. Нужно было провести опрос в одном криминальном районе. Ну, делать нечего, надо проводить опрос. Входит интервьюер (женщина) в первую квартиру, там женщина седая стоит, выходит из-за нее мужик в одних трусах, весь в наколках. Говорит: «Заходи, заходи». Ну, интервьюер спрашивает его, сможет ли он ответить на ее вопросы, на что тот отвечает: «Да, но ты сначала дай мне денег на хлеб, есть сильно хочу». Она растерялась, но дала ему 10 рублей, лишь, чтобы он отвязался. Он говорит: «Хорошо, спасибо теперь я начинаю отвечать вам. Я только вчера освободился из тюрьмы поэтому, что делается в городе, я не знаю, но ты ко мне уважительно отнеслась, и я тебя сопровожу по этому району». И он, действительно провел ее по всему району, пока она не опросила всех, кого надо было опросить.

. . . (.) .

В порядке дискуссии попытаюсь оспорить сказанное Анатолием Валентиновичем Стожаровым и Сергеем Юрьевичем Цыпленковым.

Все, что касается описанного А.В. общения с респондентами и неадекватного характера этого общения, на мой взгляд, не относится к социологическому экстриму, т.к. в данном случае ведется работа с обычным населением – стандартным объектом. Случаи отклонения в стандартном объекте бывают, но в этих случаях необходимо просто соблюдать технику безопасности, о которой сам же А.В. и говорит. Все интервьюеры должны быть обучены технике безопасности и должны быть заранее готовы к тому, что будут встречаться респонденты неадекватного характера. Но мы ведь не относим к экстриму жизнь в большом городе, где много автомобилей, хотя автомобилисты могут вести себя неадекватно и в этом случае создавать угрозу пешеходам. Просто эта ситуация считается нормой, а не экстримом.

Что касается рассказа Сергея Юрьевича, то, на мой взгляд, он показал нам, как возникает экстрим, когда социолог выходит за рамки своей профессиональной позиции. Он сам «напрашивается» на экстрим, когда работает фактически не исследователем, а социальным технологом. Задача, судя по рассказу С.Ю., изначально ставилась не исследовательская типа «Мотивации населения Якутии на рынке ценных бумаг», а технологическая - «Механизм скупки у населения акций

«Алроса». Социолог в данном случае просто меняет свою профессиональную позицию. За лицом социолога в этом случае скрывается личность политтехнолога, проводящего так называемый формирующий опрос. А это, на мой взгляд, всегда нехорошо, поскольку есть смешение разных профессий. При этом риски другой профессии не могут быть описаны как риски социолога. Ну, тем не менее двинемся дальше.

. . . ( ) , « » .

Хотел бы поговорить об опасных условиях исследования. Чаще для нас являются экстремальными не предмет и не объект исследования, а условия среды, в которой проводится исследование (пурга, мороз) – природные условия. Например, если заметет все дороги снегом, тогда просто возникнет проблема с возвращением назад. Второй вид экстремальных условий – социальные условия. В Башкирии экстремальная ситуация возникает во время выборов, когда происходят столкновения наших интервьюеров с представителями власти – милиция, правоохранительные органы и др., в ходе которых наших интервьюеров часто берут под арест. Потом, только, когда мы звоним в милицию их отпускают, с наивным ответом: «А что вы, социологи, и вправду существуете?» Важно упомянуть еще и такой вид экстрима как случайный экстрим, когда знание техники безопасности мало чем может помочь интервьюеру. К примеру, к одному из наших интервьюеров подошла компания изрядно подвыпивших людей и без какой либо причины (со стороны интервьюера не было агрессивных и провоцирующих действий) избил его. К счастью наш интервьюер оказался человеком с характером. Он не только вернул все свои анкеты, но и подал в суд на избивших его людей, одним из которых оказался сын начальника местной милиции. Мало, того, что он подал в суд, так он и выиграл его и отсудил у виновных деньги как за физический ущерб, так и за моральный. Но хочется еще раз напомнить, что от случайного экстрима не застрахован никто из социологов, какими бы знаниями о технике безопасности он не обладал.

. . . ( ) .

Риски работы присутствуют во всех профессиях, связанных с повышенной коммуникацией, например в таких профессиях как журналист и социолог.

Вот вам экстремальная социология на достаточно типовом предмете, когда сам по себе предмет ничего экстремального не несет. Но ясно, что о социологическом экстриме в условиях политического прессинга надо говорить и писать специально. Давайте вернемся в Россию, причем опять на север, где мы сейчас находимся.

. . . (. . .)

Наш Центр информации и социологических исследований «Спектр», став одним из самостоятельных структурных подразделений Комитета по делам семьи и молодежи Администрации г.Ноябрьска, принимает участие в различных окружных, областных и российских проектах, позволяющих ноябрьским социологам совершенствовать свои профессиональные навыки и умения. На сегодняшний день накоплен серьезный опыт проведения социологических исследований по различным методикам, и если рассматривать его с точки зрения экстремальной социологии, то в некоторых случаях присутствовал повышенный риск нанесения ущерба здоровью исследователя.

Ярким примером социологического экстрима для нас явилось социологическое исследование «Субкультура молодого поколения города Ноябрьска», проведенное в 1998 году. Основным поводом изучения неформальных объединений, существующих в городе, стало самоубийство члена группировки (в возрасте 15 лет) под влиянием идейного вдохновителя. Социологам была поставлена задача изучить неформальные сообщества с целью выявления антисоциально направленных (т.е. группировок, характеризующихся девиантным поведением).

Исследование проводилось с помощью методов включенного наблюдения, опроса экспертов, анализа документов, непосредственного опроса участников объединений, для которых легендой служил интерес городских властей к неформальным группам для дальнейшего сотрудничества.

Отчет предоставлялся ограниченному количеству субъектов молодежной политики, так как он содержал фамилии лидеров, место встреч и рекомендации на предмет отслеживания деятельности выявленных опасных для городского сообщества группировок. Таким образом, опасность объекта состояла в том, что:

- в некоторых случаях члены неформальных группировок, были агрессивны и не шли на контакт;

- если бы информация была открыта, существовал бы риск нанесения телесных повреждений социологу и информатору (информатором был член неформальной социально направленной группировки, согласившейся оказать помощь исследователю).

Надо сказать, что современный Ноябрьск представляет собой крупнейший нефтяной мегаполис в Ямало-Ненецком автономном округе, являясь одновременно его транспортно-распределительным центром общеокружного значения. Он по праву считается «южными воротами» Ямала, город стал базовым для освоения запасов недр региона, плацдармом для освоения богатств севера Сибири. Поэтому всегда существовал повышенный интерес к городу различных заезжих политологов, технологов. С середины 90-х годов местными и «заезжими» социологами было проведено огромное количество социологических опросов, особенно социально-экономического и политического характера, так как ежегодно проходят выборы в органы различных уровней власти. Практически каждый житель заполнял анкеты, и многие неоднократно. Здесь необходимо уточнить, что социологические опросы горожане разделяют на две группы, связанные с выборами и не связанные с выборами. Социологические исследования первой группы жителями воспринимаются, как манипуляции с сознанием избирателей, а второй группы, как интересные и важные. Такое отношение сформировалось в результате применения «грязных технологий» на выборах глав администраций. Поэтому, на наш взгляд, опасность предмета заключается именно в теме исследования, которая вызывает резкую негативную эмоциональную реакцию и даже агрессию респондентов при проведении социологических исследований в период предвыборных кампаний.

. . . (.) .

Социологическое исследование, в котором объектом выступают потребители наркотиков, по всей видимости, тоже можно отнести к экстремальным. У нас (Институт общественного мнения «Квалитас», г. Воронеж) в 2002 году был опыт исследования, когда нужно было опросить не только самих наркоманов, но и наркоторговцев. Такого рода опросы могут представлять реальную опасность для интервью-

юеров ввиду возможной неадекватности реакции респондентов. Крассочной характеристикой в этом отношении может служить цитата из интервью с самим наркоманом: «...» / 0 ...»

«...». Это высказывание должно служить серьезным предупреждением для тех, кто намеривается изучать опасный объект исследования, ничего не зная о самом объекте.

Казалось бы высказывание чересчур резкое и эмоциональное. Впечатляет, что такую характеристику человек выдал фактически самому себе. Но действительно ли интервьюер подвергается опасности? Ведь есть же органы правопорядка, есть закон, под защитой которого находится исследователь. Но остановит ли закон наркомана?

Отрывок из интервью, приведенного ниже, заставляет в этом усомниться:

«...»: Максимум – я ещё поколюсь два года. Есть ещё такой момент у наркомана, когда пропадают вены и открывается пах. Пах – это не половой орган, это место возле него. Есть такое понятие: «открыл пах – открыл крышку гроба». То есть те люди, которые начинают колоться в пах, долго не проживут.

Этот момент для тебя будет тем моментом, перед которым ты остановишься?

Я думал, что я никогда не открою пах. Я думал, что я брошу. А сейчас настал тот момент, когда я открыл пах. Сейчас колюсь туда. Поэтому я знаю, что мне осталось жить максимум не больше года. Страшно.

А можно ли бросить? Ведь Вы – молодой человек (возраст респондента – 28 лет).

Сейчас уже колешься по потребности, чтобы нормально себя чувствовать. Спать, есть».

Спрашивается, может ли закон утратить человека, который знает, что ему осталось жить меньше года? Что может остановить его, если вопрос интервьюера приведет его в ярость? А неадекватная реакция респондента в процессе опроса вполне вероятна, так как интервьюер, далекий от наркосреды, может не знать особенностей менталитета наркоманов. Не говоря уже об том, что плохое знание объекта сопряжено с риском, можно поставить под сомнение достоверность ре-

зультатов опроса, полученных интервьюером, который не смог говорить с наркоманом «на его языке», не смог оперировать теми представлениями о «добре» и «зле», которые свойственны представителям данной социальной среды. Любой объект нужно предварительно изучить, прежде чем проводить личное интервью. К экстремальному объекту это относится в первую очередь.

Какие особенности, присущие потребителям наркотиков, были выявлены в процессе исследования?

1. Крайнее неуважение к закону и его представителям. Вот высказывание, характерное для потребителей наркотиков: «Вся милиция коррумпированная. Нормальные люди там не задерживаются». Респонденты рассказывали, как неоднократно милиция подбрасывала им наркотики или отпускала за взятку. Многие респонденты свидетельствуют о случаях, когда работники правоохранительных органов сами пытались продать им «дозу». Поэтому любые апелляции к закону в процессе интервью способны вызвать у таких респондентов только раздражение.

2. Критерии оценки своих действий сместились в сторону от нравственных категорий. Воровство не рассматривается как преступление, а просто как альтернативный вид заработка. Характерное высказывание: «Я тоже мог бы устроиться на машину водителем, но неохота после тех денег, которые я мог бы зарабатывать кражами, сейчас зарабатывать две-три тысячи». Потребители наркотиков не стыдятся признаваться в воровстве, а, напротив, не прочь похвастаться тем, как легко и ловко они обманули и обокрали доверчивых граждан или своих же товарищей по несчастью – наркоманов.

3. Девиантное поведение накладывает извращенный оттенок на традиционные ценности. Для наркоманов характерно бравировать своим образом жизни. Отрывок из интервью с наркоманом: «Когда мне укол делали первый раз, ребята меня завели в подъезд. Борис (старший) меня спросил: «Тебе как сделать – стерильно?». «Да» – ответил я. Тогда он вынул использованный шприц, вытер его о свой пиджак и после этого сделал мне укол». Иначе говоря, «стерильно» - значит вытереть шприц о пиджак, «не стерильно» - не вытереть. Безусловно, в таком отношении к антисептике кроется нечто большее, чем простое пренебрежение гигиеной. Жизнь наркомана всё время под угрозой. Согласие на укол грязным шприцом требует определенного мужества и бесстрашия, так как в наличие явная угроза жизни. Такие традицион-

ные понятия как смелость и мужество присутствуют в социальной среде наркоманов, но в своеобразном, извращенном виде: как кураж в виду смертельной опасности. Тем не менее, смелость все равно остается смелостью и вызывает уважение. А социальная среда наркоманов, как и любая другая, требует своих «героев» и образцов для подражания. Поэтому создается некий негласный «кодекс наркомана» со своим набором ценностей, и всякий «непосвященный», в том числе и интервьюер, может легко попасть впросак, пытаясь навести коммуникационные «мосты».

4. В девиантной среде существует своеобразный «табель о рангах». Например, алкоголик стоит на много ступеней ниже наркомана или токсикомана. Токсикоман – на более высокой ступени, чем алкоголик, но ниже «рангом» наркомана. Наркоман же ощущает свою принадлежность к элите. Эта ощущение закрепляется, когда он наблюдает примеры из жизни популярных рок-звезд, страдающих тем же недугом. Кроме того, потребление наркотиков стоит немалых денег. В итоге кровь наркомана становится со временем по сумме вложенных средств «золотой», чем обладатели немало гордятся и не упускают случай похвалиться. Из интервью: «Девушка однажды в шутку меня спросила: «У тебя, наверное, «Мерседес» по венам катается?». Я ей ответил, что нет. Что уже «Боинг» летает». Поскольку наркоман считает себя «элитой», это требует расстановки соответствующих акцентов в вопросах интервьюера, иначе наркоман может глубоко оскорбиться, если его поставят на одну ступень с алкоголиком или токсикоманом.

В процессе исследования мы поняли, что как ни сложен был для нас поиск и опрос наркоманов, опросить торговцев наркотиками оказалось гораздо сложнее. Розничных торговцев ещё можно было отыскать и уговорить на интервью. Зачастую розничными торговцами выступали сами наркоманы. Но оптовых торговцев среди наркоманов, как правило, не бывает. Партнеры по бизнесу, если узнают, что коллега начал увлекаться наркотиками, перестают иметь с ним дело, поскольку в этом бизнесе, как и в любом другом (а может быть, и больше, чем где-либо), нужна «светлая» голова. Выявить оптового торговца – это задача, нелегкая и для органов правопорядка, которые имеют опыт и соответствующее оснащение для этой цели. Для социологического института эта задача усложнялась тем, что необходимо было не только выявить его, но и взять у него интервью, где бы он детально рассказал о своей деятельности. Трудно представить, что могло бы по-

двинуть оптового наркоторговца на такого рода откровенность, во всяком случае, не традиционное вознаграждение, размеры которого не всегда удовлетворяют и менее «экстремальных» респондентов. Получив несколько отказов в самой категоричной форме, мы решили пойти к тем наркоторговцам, которые не боятся разоблачения, поскольку оно уже состоялось. Было принято решение взять интервью у наркодельца, сидящего в тюрьме.

Мы обратились к руководству колонии с просьбой организовать нам свидание в неформальной обстановке с осужденным за оптовую торговлю наркотиками. Нам пошли навстречу. Респондент согласился ответить на вопросы, но держался чрезвычайно настороженно, отвечал на вопросы сухо и формально, углубленное интервью не получалось. В ответ на шутку интервьюера, что любой «пацан» может рассказать о наркотиках больше, чем он – человек, который много лет занимался этим бизнесом и долго был в Средней Азии, он ответил, что не знает интервьюера, а, следовательно, не может ему доверять. Сказал, что его вызвали с жилзоны, и «не дай Бог, что случится – потом вспомнят, кто выходил, и всё на тебя повесят». Интервьюером были применены разные методы, чтобы «разговорить» респондента: рассказы об интервью с наркоманами, врачами, милиционерами. Приводились примеры различных высказываний, чтобы попытаться узнать, с чем респондент согласен, а с чем нет. Были моменты, когда между интервьюером и респондентом устанавливалась некая доверительность, и респондент отчасти «раскрывался». В один из таких моментов он сообщил, что обычно «оптовики не попадают в милицию, так как все коррумпировано – всё схвачено. Попадают только, если за ними числятся долги. Или что-то не поделили. Милиции остаются только наркоманы и розничные торговцы – для плана». Соответственно, отношения с законом он пытался выстраивать на коммерческой основе. Другой момент откровенности наступил, когда интервьюер поинтересовался его мнением: «Возможно ли в принципе договориться о встрече с человеком, торгующим наркотиками оптом?». Он ответил, что «это не возможно, так как на карту поставлена даже не твоя жизнь, а жизни всех твоих близких. Этим не один нормальный человек рисковать не будет».

Какие выводы можно сделать из этого опыта интервью с осужденным? Прежде всего, интервьюеру, если он желает получить содержательную информацию, необходимо иметь представление об опасностях осужденного и рассмотреть возможность применения нетрадици-

онных методов опроса. Например, провести опрос в присутствии другого осужденного, чтобы респондент имел свидетеля на случай «разборок» в жилзоне.

Кроме того, традиционное интервью, когда интервьюер умалчивает о своем мнении и только слушает высказывания респондента, очевидно, начинает напоминать заключенному допрос и заставляет последнего замыкаться в себе. Поэтому в таких случаях уместно применять метод диалога. Для того, чтобы «разговорить» осужденного, интервьюер может попытаться привести несколько высказываний на спорную тему других лиц, чтобы понять с каким из них респондент согласен, а с каким нет. Или же высказать свое мнение, которое может носить провокационный характер, не соответствовать действительности, чтобы вызвать возражения респондента, подвигнуть его на спор. Традиционные методы ведения интервью в экстремальных случаях такого рода работать не будут.

И, наконец, исследователям-социологам необходимо признать принципиальную невозможность проведения традиционного интервью с некоторыми группами респондентов, например, с оптовыми торговцами наркотиков, и учитывать это при формировании программы исследования.

. . . ( ) .

Спасибо. Теперь мне тоже хотелось бы поведать о своем опыте работы в экстремальных условиях. А точнее о методе, позволившем минимизировать риски исследователя. Итак, Москва, 1994 год, мы изучаем поведение вкладчиков финансовых пирамид таких как «МММ», «Тибет», «Телемаркет». Насколько я знаю, в институтах будущие социологи обязательно учат метод включенного наблюдения, но на практике его, к сожалению, почему-то почти не применяют. Вообще трудно определить, что это такое: метод социального исследования или метод разведки, или и то и другое? Мы решили сделать этот метод основным в рамках проекта. Наша задача состояла в том, чтобы понять, как строятся стратегии игроков в финансовую пирамиду, на чем основана их мотивация, как они ведут себя в условиях кризиса. В течение года каждый день от одного краха до следующего наши сотрудники стояли в очередях по 3-4 часа, как псевдоакционеры, и слушали разговоры. Почему мы использовали включенное наблюдение как основной метод в этом исследовании? По той простой причине,

что вопросы, связанные с личным имуществом и материальными средствами человека являются для респондента весьма интимными и, следовательно, при помощи опросов и интервью вы вряд ли получите достоверные данные. Респонденты попросту будут говорить вам неправду, если не попытаются активно противостоять такому «исследовательскому» интересу. Поэтому мы использовали метод наблюдения, хотя, конечно, дополняли его и небольшими сериями интервью.

Вообще ситуация в отдельные моменты складывалась совершенно экстремальная. Представьте себе случаи, когда человек квартиру закладывал и играл на заемные деньги. Это был ужас, когда эти деньги проигрывались. Истерика, паники, столкновения с милицией и взятие штурмом зданий МММ, «Чары» и т.п. сопровождали весь тот период. Наши сотрудники стояли в очередях, слушали, разговаривали, обобщали услышанное. В конце концов научились даже считать число людей в очередях по площади и длине очереди. В результате обобщения выстраивалась картина стратегий, которые использовали в этой игре разные участники.

Вообще весь этот проект был подробно описан в журнале «Вопросы социологии», вышедшем в 1998 году. Рекомендую.

Очень любопытный момент был после первого краха «МММ». Когда произошел обвал пирамиды, наши наблюдатели следили за «объектом»: сколько людей, каково их состояние и т.д. Подходить в сложившейся ситуации к людям с вопросами: «Каково ваше состояние?» или «А сколько денег вы потеряли?» было абсолютным безумием, хотя, как вы понимаете, с точки зрения исследования очень важным. В данной ситуации логичнее всего было также использовать метод наблюдения. И здесь у нас появился новый объект исследования. Так называемые общества защиты Мавроди. Вообще мы тогда обнаружили некий аналог т.н. «стокгольмского синдрома», когда жертва жалеет террористов, взявших ее в заложники. И в нашем случае точно так же образовались общества по защите «МММ» от власти. Эти общества утверждали, что виновата во всем власть, которая, если закроет «МММ», то накажет в первую очередь людей, вложивших туда деньги, и люди эти деньги больше никогда не увидят. А вот, если власти освободят Мавроди, то он сразу же вернет все деньги обманутым им же вкладчикам. Мысль о том, что это все очередной обман, люди не желали допускать в своем сознании и прятали ее куда подальше. Т.к. она для них означала бы полный личностный крах и признание себя ви-

новным в случившемся в большей степени, чем кто-либо. Человеку трудно это признать, и он ищет виновных вокруг себя.

Резюмирую. Двадцатого июня 1994 года, когда произошел всем известный крах «МММ», наступил настоящий социологический экстрим, когда люди были на грани безумия, и методы исследования явления финансовой паники, основанные на опросе, были совершенно невозможны в силу сложившейся обстановки. Наш опыт показал, что метод включенного наблюдения может и должен использоваться более интенсивно и особенно в тех случаях, когда процедура опроса становится невозможна в силу экстремальности объекта и условий исследования. Хотя, как мы понимаем, включенное наблюдение также несет риски для социолога (и немалые), в случае, если его исследовательская позиция будет расшифрована представителями объекта исследования.

. 0 .

Хотел бы рассказать о том, как я не принимал участия в экстремальных исследованиях, предложенных мне.

Итак ситуация первая. Приехал я в молочную академию, находящуюся в 15 верстах от Вологды. Кто не учился, тот работал. Вуз был не престижен, и поэтому там обучались дети разных народов, следовательно, постоянно возникали межнациональные конфликты: то девушки вылетали из окон, то поножовщина постоянно возникала. Ректорат захотел провести социологическое исследование на данную тему, и попросили это сделать меня. Я отказался. Дело в том, что были девяностые годы, люди в то время доверяли исследователям и интервьюерам, верили в то, что после опросов их жизнь улучшится, воспринимали свои ответы в анкетах как наказания депутатам, а руководство Вуза проводило исследования лишь для того, чтобы отчитаться перед вышестоящей властью, а потом засунуть это дело под сукно. В силу своего недоверия заказчику я и отказался принимать участие в этом экстриме.

Второй случай произошел в 1992 году в Вологде. К нам приехала ирландская компания «PNS International», чтобы учить вологжан выращивать, перерабатывать и продавать хладоовощную продукцию. Для этого они захотели изучить покупательское поведение вологжан. В этой компании был хороший маркетолог, которого звали Барри Сильверман, который составил хороший инструментарий и просил его в

виде фокус-группы реализовать. В дальнейшем мы с ним долго спорили из-за поставленных им вопросов в этом инструментарии. Год, как я уже говорил, был 1992, и люди в то время пытались хоть как-то соотнести наличные деньги и цены в магазинах, поэтому люди ели в основном крупы, молочные продукты, выращенные овощи. Вопросы, которые предлагал задавать Сильверман, примерно были такие: «Вы предпочитаете приобретать замороженное мясо или только парное?». «Почему вы не посещаете магазины самообслуживания, может потому, что вам не хватает общения с продавцом?» и т.д.

В фокус-группе мы должны были предоставлять участникам визуальный материал в виде которого, по мнению ирландца должны были выступать фотографии западных супермаркетов с избытком мясной продукции на их прилавках. Даже у относительно сытых участников фокус-группы буквально слезы на глазах наворачивались от увиденных фотографий. Я понимал, что в конце данного мероприятия может достаться как модератору, так и всей исследовательской группе. Поэтому я пытался убедить Сильвермана, чтобы он в дальнейшем не показывал эти фото. Во время перерыва, когда подавали чай, Сильверман увидел, что участники фокус-группы находятся в стрессовом состоянии. Сошлись на том, что не стоит показывать фотографии пенсионерам, чтобы не произошло митинга в конце фокус-группы с последующим экстримом для исследователей. Вот так мне удалось предотвратить, зарождавшийся экстрим во время исследования и спасти исследователей.

. . . (. . .) .

Сейчас нам был представлен замечательный полухулиганский пример, когда социологи сами себе «делают экстрим» из достаточно стандартного предмета и объекта путем неадекватного инструментария. Вот Сергей Романович сейчас расскажет еще одну из таких историй про неадекватный инструментарий.

. . .

Знаете, сейчас это редко бывает. Ведь главный повод для исследования – наличие реальной проблемы. Сейчас рынок, как правило, дает нам реальные проблемы. А вот при социализме, часто были исследования по «проблемам», которые не являются проблемами. Так

вот у одного исследователя была точно такая же «проблема» - «Свободное время колхозника». Как мы все знаем, у колхозника свободного времени нет вообще. А наш доктор наук поехал в деревню и спрашивал колхозника, где он предпочитает проводить время: на Черном море, Адриатическом или Средиземном. Ну, вот на третьем неадекватном вопросе опрос и закончился, причем с неприятными физическими последствиями для социолога. Главное это правильно и четко формулировать свой вопрос и иметь реальную проблему исследования.

Еще несколько слов по вопросу лицензирования деятельности социолога аналогично деятельности журналиста.

На мой взгляд, при работе в экстремальных условиях социолог имеет большую свободу действий, нежели журналист, по следующим причинам:

1. Журналисту для работы в горячей точке нужна аккредитация и лицензирование, социологу же все что нужно - это легенда, под которой он будет работать.

2. В отличие от журналиста, социологу не нужны никаких разрешений, для того, чтобы задать вопрос интересующему его объекту, который вправе отвечать или не отвечать на заданный вопрос.

3. В силу того, что журналист находится постоянно под «защитным колпаком» военных, ему удается получить весьма скудную и искаженную информацию о происходящем в горячей точке т.к. его «защита» защищает его не только от покушений на его жизнь, но и от возможности получить достоверную информацию. На Западе корреспонденты стараются работать через правозащитные службы, чтобы избежать сверхопеки военных, но, несмотря на это их данные о происходящем в горячих точках тоже искажены в силу того, что их «водят» по заранее задуманному маршруту. Таким образом, главное отличие социолога от работника СМИ заключается в том, что социолог имеет неограниченные возможности в ходе проведения исследования, но вместе с тем же его жизнь подвергается опасности куда больше, чем жизнь корреспондента. Деятельность журналиста ограничена, но риск для его жизни минимален, в отличие от социолога.

. . ( ) .

Не могу не отнестись к тому, что говорит Сергей Романович по поводу лицензирования социологической деятельности. Конечно, та-

кое положение социолога - в некотором смысле «вне закона» - это во многом плюс: меньше регламента – больше свободы исследования. Но надо говорить, что помимо законов и нормативных актов есть то или иное состояние общества, которое либо располагает отвечать на вопросы социологов, либо не располагает. Входит ли социологический опрос в культуру данного общества, или этот социологический опрос есть блажь особой группы людей, именующих себя социологами, вот в чем вопрос. Это, кстати, продолжение нашего вчерашнего разговора о «великой миссии» социологов. Мне кажется, что социологическое общество заинтересовано в том, чтобы работать с обществом в направлении того, чтобы сам институт опроса был признан нормой. Необязательно законодательно был закреплён, а был бы культурно признан. Когда к человеку подходят и спрашивают: «Ты расскажи нам о своих проблемах», то гражданин должен быть уверен, что это не столько частный интерес социолога, пишущего диссертацию, сколько в некотором смысле исполнение миссии собрать, обобщить и донести до других информацию о проблемах народа. И, главное, в эти секунды у респондента тоже должно появляться чувство высокой миссии.

• • •
Гражданское чувство.

• • • ( ) •
Конечно. Это гражданский долг - поведать социологам о своих проблемах и/или предпочтениях.

• • •
Так же как на выборах.

• • • ( ) •
Конечно. Все другие профессии, в той или иной степени уже ставшие «достойными», имеющие нормы, традиции и т.д., проводят все-таки определенную деятельность, связанную с профессиональным «пиаром» и какими либо внешними коммуникациями, направленными на формирование позитивного образа своей профессии в глазах всех остальных. А социологи, к сожалению, при том, что сами активно работают с населением, проблемой собственного статуса, имиджа, который, кстати, является одним из элементов все той же безопасности,

абсолютно не занимаются. Более того, публично ругаются, дерутся между собой, участвуют в незавидных политехнологических операциях, дискредитируя тем самым свою профессию. И таким образом порождают соответствующее отношение к своей профессии. Вот на этом вопросе - об общественном статусе социолога - я хотел бы остановиться.

. . .

Я могу даже проиллюстрировать отношение общества к социологам. Я сажусь в Москве, в такси. Когда мы проехали некоторое расстояние таксист спрашивает: «А вы кем работаете?» Узнав кем, резко останавливается: «Социологом?! Это те, кто все эти рейтинги составляет?» Получив утвердительный ответ, таксист мне говорит: «Выходите из машины. Я вас везти не буду».

. . .

Я тоже хотел бы вставить маленькую реплику. Должен сказать, что нам надо готовиться к трудным временам. Я ведь говорил, что, когда мы начинали опросы, люди не знали нас, боялись и вместе с тем обрадовались, что мы хотим знать их мнение. Теперь приходит понимание, но у людей должно быть адекватное отношение к нам. Его пока нет, из-за той огромной халтуры, которая от нас исходит.

За рубежом наблюдается своеобразный «недостаток респондента», который заключается в том, что при проведении социологического опроса 70-80% потенциальных респондентов отказываются отвечать на вопросы анкеты. В России начинает складываться идентичная ситуация, как и на Западе, когда люди просто напросто «устают» от постоянных социологических опросов. Главная причина вышесказанной проблемы – устаревшая методика сбора социологических данных. В Чечне данная проблема не наблюдается, т.к. количество опросов, проводимых на данной территории, еще не достигло той отметки, когда необходимо менять методику сбора данных. Чтобы решить проблему устаревших методик работы при сборе данных, необходимо разрабатывать новые способы сбора, налаживать контакт с потенциальным респондентом еще до проведения исследования (через Интернет-опрос и т.д.).

. . ( ) .

Итак, подведем итоги. Пока получается, что риски в «нашей» экстремальной социологии можно подразделить на две категории:

1. Экстрим при сборе данных (социальная напряженность, вооруженные люди и т.п.).
2. Экстрим при трансляции полученных результатов (давление власти и т.п.).

Конечно, сегодня мы в основном рассказывали друг другу различные истории, конкретные случаи, в каком-то смысле социологические байки. Сегодня мы вряд ли сможем в законченном виде сформулировать, чем отличается экстремальная социология от «обычной», и уж тем более не выработаем меры практического характера: от закрепления роли экстремальной социологии в обществе до каких-то процедур, которые должны были бы компенсировать риски и усилия экстремального социолога. Но какие-то подходы к решению проблемы безопасности социолога, работающего в условиях повышенного риска, наверное, из этих историй могут родиться. Кстати, тут мелькнула мысль о страховании деятельности социолога. Это, между прочим, тоже очень важная вещь. Но, к сожалению, в России пока, по всей видимости, недостижимая. Итак, благодарю всех за то, что приняли участие в обсуждении данной темы. Объявляю обсуждение и конференцию на сегодня закрытой. Спасибо всем.

СИТУАЦИЯ УЛУЧШАЕТСЯ

ОНА
УХУДШАЕТСЯ

ЗАТРУДНЯЮСЬ С ОТВЕТОМ

Термин «экстремальная социология» все чаще появляется на страницах популярных и специальных изданий. Это, однако, не облегчает задачу описания предметной области экстремальной социологии, если допустить, что таковая действительно существует. Дело в том, что в отличие от естествознания, где аксиомой является суждение: «наука не знает синонимов», общественные дисциплины активно вводят в свой оборот бытовые понятия и используют синонимические ряды.

Определение «экстремальный» довольно точно отражает этимологию слова *extremus* – крайний, предельный, и используется в литературе всякий раз, когда объект или субъект наблюдения оказывается в нетипичной ситуации. Тем не менее, существующий официальный российский классификатор социологических специальностей понятие экстремальная социология не использует. А явления гипотетически схожие с предполагаемыми объектами и предметом экстремальной социологии исследуются социологией конфликта, социологией риска, социологией девиаций и этносоциологией. Открытым остается вопрос, полностью ли исчерпываются этими социологическими теориями те явления, которые пытается описывать экстремальная социология. Или у нее все-таки есть собственная ниша?

В смежных областях обществознания определение «экстремальный» уже практически узаконено. Экстремальная журналистика предполагает, прежде всего, деятельность журналиста в условиях, связанных с повышенными рисками. Экстремальная психология, наоборот, сфокусирована на объекте и изучает изменения психического состояния и особенности деятельности личности или групп людей, вызванных стрессовыми факторами.

Экстремальная социология – прикладная дисциплина, предполагающая изучение объектов, находящихся в условиях, препятствующих их описанию традиционными социологическими методами. Собственно вопрос и заключается в том, как получить достоверную и надежную социологическую информацию в экстремальных условиях: будь то зо-

на вооруженных конфликтов, территории, где население подвергается тотальному контролю, или это просто крайне сложные длядостижимости социальные объекты.

Экстремальная социология – это не только специальная исследовательская стратегия, оптимальная система методов и методических приемов. Характерной особенностью таких исследований, как правило, является необходимость большей вовлеченности социолога в процесс полевого исследования. Это порождает две проблемы: во-первых, повышение личных рисков а, во-вторых, необходимость определения степени влияния самого исследователя и его инструментария на получаемые результаты.

Мировое сообщество испытывает большую потребность в исследованиях такого рода. И, как правило, это не просто академический интерес, а необходимость в понимании для принятия очень важных и ответственных решений. Сегодня можно познакомиться с результатами исследований, проведенных в последние годы, например, в Афганистане, Палестине или даже Ираке.

Формируется интерес к экстремальной социологии и в нашей стране. Собственно, достойных изучения объектов и процессов у нас всегда было достаточно, но революционные изменения последнего двадцатилетия породили таких «социальных мутантов», игнорирование которых могло бы угрожать самому существованию страны как целостного социально-экономического и социально-психологического организма. Познание с помощью социологических методов является своеобразным ответом нашего сообщества на вызовы времени и доказательством его профессиональной дееспособности. Потребность в понимании экстремальных зон нашего общества осознается не только властными структурами, общественными институтами, пытающихся влиять на население, гуманитарными организациями, но и бизнесом, желающим развиваться в более предсказуемых условиях. Именно таков сегодня основной круг заказчиков исследований этого типа.

За последние несколько лет нашему коллективу пришлось проводить ряд исследований, которые, в той или иной степени, можно отнести к числу экстремальных. Так репрезентативные количественные и качественные исследования на Таймыре, в Эвенкии, Корякии на Камчатке или в Коми-Пермяцком районе я бы считал экстремальными лишь условно. В этом случае «предельными» были тяжелые условия работы: отдаленность от центров, большое рассеяние мелких населен-

ных пунктов, отсутствие связи, холод, первоначально плохое знание проблем и национальных особенностей населения.

В качестве примеров исследований другого типа я бы назвал работу с населением Туркмении и Северной Кореи. Так как исследования проводились вне пределов этих стран, самим исследователям ничего не угрожало. «Экстремальным» оказалось абсолютная закрытость, часто зомбированность, потенциальных респондентов, их нежелание и даже неспособность вступать в коммуникацию с исследователями из-за реальных или мнимых опасений за жизнь своих близких, находящихся на родине. Только специально разработанные методические процедуры позволяли преодолевать барьер отчужденности. Между прочим, наш опыт показывает, что в некоторых российских регионах или в соседних Приднестровье и Белоруссии реакция населения на стандартные опросы была бы весьма похожей. Любой человек со стороны, задающий вопросы воспринимался бы здесь как агент властей и получал бы «правильные» ответы, не имеющие ничего общего с настроениями и интересами реальных людей.

Конечно, наиболее яркими примерами экстремальных работ, проводимых на территории России можно считать исследования в республиках Северного Кавказа и, в частности, в Чеченской республике. Здесь налицо все компоненты экстремальной социологии. Зона военного конфликта с большим количеством вооруженных людей, препятствующих свободным перемещениям. Разрушенная инфраструктура. Недоверие населения, которое приходится преодолевать. Особенности национальной истории и менталитета. Возможность столкнуться с прямой агрессией респондента или окружающих. Работа вслепую: социолог, как правило, не знает, какую из противоборствующих сторон поддерживает респондент. Действительный риск для исследователей и интервьюеров.

Остановимся более подробно именно на чеченском опыте. Ниже будут описаны особенности организации и проведения исследований в условиях Чечни, а с большинством полученных содержательных данных можно познакомиться на сайте

(www.insomarg.ru) или по уже опубликованным работам.

Более 15 лет чеченская проблема продолжает оставаться в эпицентре общественного внимания. И хотя сегодня острота восприятия ситуации в Чечне значительно отличается от того, что было 3-4 года назад, проблема остается чрезвычайно актуальной. От ее решения по-

прежнему зависит будущее народа Чечни, моральная атмосфера во всем российском обществе, восприятие нашей страны мировым сообществом.

Исследования в Чеченской республике были начаты нами осенью 2002 - весной 2003 года. «Вторая чеченская война» только что закончилась. Крупных войсковых операций уже не было, но ощущение войны еще витало в воздухе. Представления о ситуации в республике и взглядах людей базировались в основном на личных и весьма фрагментарных наблюдениях журналистов, сотрудников правозащитных и гуманитарных организаций, публичных выступлениях московских и чеченских политиков порой весьма тенденциозных и не имеющих точной информации о преобладающих в Чечне настроениях. Средства массовой информации целенаправленно формировали в сознании россиян образ чеченца как террориста и по преимуществу сепаратиста. Голос самих чеченцев был совершенно не слышен. Отсутствие достоверной информации о жизни и настроениях народа Чечни, приводило к непониманию того, чего ждать от чеченцев, как и в каком направлении может развиваться ситуация в республике.

Важно подчеркнуть, что в достоверной информации из Чечни нуждались не только российские властные структуры. Самому чеченскому обществу объективная самооценка была необходима, ничуть не меньше. Напомним, что в 2002 году в республике не было Конституции, Президента, Парламента, были разрушены или размыты традиционные институты, регулировавшие прежде отношения внутри общества. Люди могли судить о том, что думает о них Россия и мир, но в условиях отсутствия механизмов обратной связи, были лишены возможности рассказать о своих проблемах, чувствах и настроениях, увидеть и оценить самих себя в зеркале общественного мнения. С этой точки зрения, опросы общественного мнения оказывались, чуть ли не единственным каналом обратной связи, и публикацию результатов опросов можно было рассматривать в качестве правозащитной деятельности.

В течение предшествовавшего десятилетия на территории Чечни не проводились представительные социологические исследования. Считалось, что это невозможно практически. Но, кроме того, некоторые наши коллеги осознанно исключали Чеченскую республику из своих выборов даже тогда, когда стало ясно, что работать в республике можно. Объявлялось, что в ситуации, когда каждый человек, включая

исследователя, находится под контролем военных, рассчитывать на получение объективной информации нельзя.

Таким образом, как всегда, когда речь идет об экстремальных социологических исследованиях, перед нами оказываются две возможности. Первая – «умыть руки», и ссылаясь на научную щепетильность, не пытаться исследовать труднодоступный объект, в информации о котором нуждается общество. Вторая позиция, ее мы и будем отстаивать, заключается в том, чтобы разработать такую исследовательскую стратегию, при которой, невзирая на очевидные сложности, будет получена максимально возможная информация, конечно, при условии оценки ее надежности.

За прошедшие три года в Чечне нашим коллективом было проведено 24 репрезентативных опроса, десятки фокус-групп и индивидуальных интервью в разных районах республики. Проводились круглые столы с экспертами и мозговые штурмы, использовался метод наблюдения.

Предпринятые нами исследования способствовали решению многих конкретных задач, которые могут быть сведены к двум главным. Первая: получить информацию об основных проблемах чеченского общества, выявить и изучить основные «болевые точки» - проблемы и ожидания населения республики. Вторая задача. Своими исследованиями мы хотели способствовать развитию общественного мнения в Чечне как шага к формированию институтов гражданского общества. Народ Чечни, как показал наш опыт, имеет мнение, но не имеет каналов его выражения. Поэтому, нам хотелось создать «зеркало», в которое чеченское общество смогло бы посмотреть на себя. И важно было бы, чтобы это зеркало не было кривым, чтобы люди доверяли изображению, узнавали себя в нем.

Для этого необходимо было решить множество организационно-методических вопросов. Понять, возможно ли в Чечне в принципе проводить исследования. Если да, то как их лучше организовать, какие силы и ресурсы необходимо использовать.

Чтобы лучше понять атмосферу в республике, скажем, что по-прежнему, одной из важнейших проблем населения остается личная безопасность. Действительно, сегодня нет крупных боестолкновений, артобстрелов, массовых «зачисток», но ежегодно сотни людей бесследно исчезают. Приведем ответы на вопрос, который мы многократно задавали: «От кого сегодня исходит главная угроза простому чело-

веку в Чечне?»

	2005	2003
От неорганизованных уголовных элементов	22%	45%
От вооруженных групп и боевиков сил сопротивления	18%	42%
От российских военных	12%	73%
От сотрудников российских спецслужб	19%	
От сотрудников «службы охраны президента ЧР»	17%	
От сотрудников чеченской милиции	2%	27%
Затрудняюсь ответить	11%	3%

Как видно, ситуация за последние три года изменилась. Если в 2003 году главная опасность, по мнению населения, исходила от федералов, российских военных, спецслужб и вооруженных групп сопротивления, то в 2005 году в гораздо большей степени люди стали опасаться неорганизованных уголовных элементов, боевиков и местных силовиков. В любом случае простой человек испытывал и продолжает до сих пор испытывать обоснованный страх пред человеком с ружьем, тем более, что чаще всего не ясно кому это ружье принадлежит.

Наш первый опрос был посвящен восприятию населением Чечни средств массовой информации. Заказчика интересовало, что смотрят, читают и слушают чеченцы, в какой степени и чему доверяют.

Первоначально возникла идея организовывать опросы в Чечне с сопредельных территорий. Это обычная практика. Известно, например, что опросы населения Ирака сегодня проводятся по телефону из соседних стран. Хотя, как выяснилось, в Чечне в то время совсем не было телефонов, идея работать «набегами» с территории более спокойного Дагестана казалась разумной. В Дагестане мы к тому времени уже много работали, имели хорошие связи, проверенных партнеров. Но никто из наших местных коллег не согласился поехать в Чечню. Обстановка там была довольно сложная, а у дагестанцев, кроме того, оказались сильные предубеждения в отношении своих чеченских соседей. Пришлось рассчитывать только на собственные силы. В любом случае, в Махачкале были гостиница, типография, средства связи и...чеченская диаспора. Можно было начинать работу.

Из числа чеченцев, живших в то время в Дагестане, была сформирована группа интервьюеров, которая прошла полноценное обучение. От них же, а эти люди время от времени посещали Чечню, мы получили первую информацию о ситуации в республике и каких-то особенностях характерных для населения. Люди, которых мы собрали, бежали от войны, они не были сторонниками радикальных сепаратистов, но как и большинство чеченцев в то время испытывали явную антипатию к «федералам». Интервьюеры были направлены в несколько наиболее типичных населенных пунктов республики, где проводили опросы по месту жительства респондентов. Наши первые интервьюеры были склоны сгущать краски, живописать как им пришлось тайными тропами пробираться с анкетами, чтобы не быть арестованными. Но главное, у нас не было никакой уверенности, что интервью, проведенные ими, отвечают нашим методическим требованиям. Тем не менее, осенью 2002 года мы получили первые «живые» свидетельства из закрытой Чечни. Более того, используя интервьюеров как рекрутеров, нам удалось вывезти из Чечни достаточное число постоянных жителей республики, чтобы провести с ними несколько фокус-групп. Заказчик был вполне удовлетворен результатами исследования. Много полезного узнали и мы. Главное – люди в республике отвечают на вопросы, более того, им самим важно рассказать о пережитом, поделиться своими мыслями. Страх, опасения можно купировать, если правильно задавать вопросы и четко объяснить, кто проводит опрос.

Стало понятно, что если мы хотим систематически получать надежную информацию из Чечни, необходимо начинать работать внутри республики, а не из-за ее пределов.

Одно из самых главных правил при работе в Чечне - не врать, не пытаться придать себе излишнюю значимость, быть абсолютно открытым и понятным для окружающих. Любая «гаинственность», намеки на свое влияние или связи с сильными мира сего, чем так славятся москвичи, приезжающие в провинцию, могут в Чечне привести к самым непредсказуемым последствиям. Следовательно, социолог, работающий в республике должен иметь понятный населению и удобный для работы статус. Для меня, человека работающего в Государственном университете - Высшая школа экономики, вполне естественным оказался образ профессора, который приехал читать лекции студентам Чеченского госуниверситета. Во-первых, это было правдой. А во-вторых, это вызывает уважение и легко объясняет, почему приезжий

человек интересуется ситуацией в республике.

В нашей группе не было ни одного кавказоведа или специалиста по Чечне. Собственно, когда речь идет об обычных массовых опросах, иногда можно не вдаваться в тонкости национальной психологии, рассылая анкеты партнерам по всей стране. В нашем же случае сразу стало очевидным: до тех пор, пока мы не узнаем хотя бы самые важные факты об истории, культуре, традиции народа – пытаться проводить исследования бессмысленно. Вот уже три года практически вся литература, посвященная Чечне, просматривается нами. За это время мы побывали в разных уголках республики. Удалось побывать на праздниках, свадьбах и похоронах, подружиться с десятками замечательных людей, жить в их домах и принимать их у себя в Москве. Конечно, это не гарантирует от того, что исследователь в современной Чечне может столкнуться с недоверием, проявлениями нетерпимости, фанатизма и агрессией. Но знания, искренний интерес к людям в республике, стремление понять и помочь им способны минимизировать такие риски.

Нами были предприняты шаги по созданию на базе проводимых опросов национального Центра изучения общественного мнения при Чеченском государственном университете. Представляется, что «своему центру» люди будут больше доверять. Преимущества университета как базы для создания такого центра совершенно очевидны: с одной стороны, университет для чеченцев - это ученые, интеллектуальная сила, научность и объективность. С другой стороны, университет известен своей «фрондой», преподаватели и студенты дистанцированы от власти и с точки зрения людей более других склонны к трезвому и правдивому восприятию ситуации. После первых исследований, проведенных от имени Центра, мы рассказали о результатах в местных СМИ. Надеюсь, что со временем такие презентации приведут к повышению доверия населения к нашей работе.

Прежде всего, необходимо было создать надежный механизм для получения представительной информации о мнениях населения. Для этого следовало продумать и реализовать выборочную процедуру и набрать и обучить штат интервьюеров.

Опишем, каким образом набирался и готовился штат интервьюеров. Очевидно, что в условиях фактического отсутствия практики социологических опросов в этом регионе, никаких готовых интервьюеров просто не было. Будущие интервьюеры рекрутировались в разных населенных пунктах, исходя из необходимости, заданной выбор-

кой. То есть, сначала мы определили, где и сколько респондентов будет опрашиваться, и лишь потом стали искать в соответствующих районах нужное число интервьюеров. Естественно, все они были чеченцами. Республика сегодня мононациональна, и хотя большинство граждан владеет русским языком, интервьюеры должны были быть двуязычными: хорошо знать и русский и чеченский языки. По относительно небольшой территории Чечни передвигаться непросто, а порой и опасно. В некоторых районах опросы может проводить только тот, кто там живет или человек, семья которого родом из этого района. Даже в центре и на севере Чечни, где традиционно менее опасно, у чужого человека могут возникнуть сложности. Местные же интервьюеры, как показала практика, после специальной подготовки в состоянии найти общий язык с населением. Первая группа интервьюеров набиралась «снежным комом», через знакомых. После первых же опросов мы дополнили штат интервьюеров за счет респондентов первых волн, предлагая подходящим людям участвовать в опросах уже в качестве интервьюеров. Это был очень эффективный прием, так как людям изначально уже было понятно, какая работа им предстоит.

Основная проблема для организации исследований – отсутствие телефонизации и, соответственно, невозможность оперативно контактировать с супервайзерами и интервьюерами. Пришлось использовать старые, испытанные методы с учетом чеченской специфики: вызывать интервьюеров на очередной опрос, через знакомых, родственников, случайных людей. Показательно, что люди относились к нашим просьбам очень внимательно, не было ни одного случая, чтобы информация не была передана.

Для работы в качестве интервьюеров приглашались образованные и коммуникабельные люди, близкие родственники которых не были связаны ни с властными структурами, ни с участниками вооруженных групп сепаратистов. Таковыми оказались служащие, учителя местных школ, студенты-гуманитарии университета, которые были родом из соответствующих районов, безработные. Вообще, проблем с первичным набором интервьюеров было немного. Более трети населения республики по нашим же оценкам живет в нищете. Безработица – одна из острейших проблем. Поэтому люди были рады, как возможности получения заработка, так и какой-то содержательной деятельности. За год группа интервьюеров обновляется примерно на четверть, что вполне сопоставимо с обычной практикой организации полевых работ

в центральной России.

Каждый интервьюер прошел подробный однодневный инструктаж, и допускался к работе только после пробного анкетирования. Была подготовлена специальная брошюра - Памятка для интервьюеров по методике опроса и реализации последней ступени выборки с учетом чеченских реалий. Каждый интервьюер ее получил. На каждого интервьюера приходилось по 10 анкет, и только в Грозном задание иногда было увеличено до 20 анкет на интервьюера. Такое рассеяние анкет повышало оперативность опросов и в какой-то мере гарантировало нас от утраты большого числа анкет в случае недобросовестности интервьюера или каких-то внешних проблем. Обычно в наших опросах принимает участие от 70 до 80 интервьюеров. Сегодня в Чеченской республике мы обладаем более, чем сотней хорошо подготовленных интервьюеров, способных работать во всех районах республики.

В каждой из волн репрезентативных исследований обычно опрашивается по тысяче человек. В выборке оказалось 75 населенных пунктов, пропорционально представляющих все районы Чеченской республики. В отдельных проектах организовывались «флюсы» или исследовались объекты, представляющие специальный интерес. Так, кроме репрезентативных опросов в Чечне, проводились опросы в ныне закрытых лагерях беженцев, находящихся на территории Ингушетии.

Приступая к организации исследования, мы с самого начала поставили задачу построить исследование так, как это делается обычно при проведении опросов в любом другом мирном регионе. Важно было, чтобы «чеченская специфика» в минимальной мере сказалась на методике. Ситуация в республике меняется, и хочется надеяться, что Чечня не на всегда останется экстремальным объектом. Там, где это оказывается возможным, необходимо организовывать исследовательский процесс по классическим канонам. Достаточно подробное описание методики проведения опроса и выборки, которое приводится ниже, обусловлено не только желанием привлечь специальный интерес к опыту проведения репрезентативных опросов в ситуации, далекой от нормальной. Описание методики должно дать достаточное представление о надежности и достоверности данных, которые были нами получены.

Использованная выборочная процедура по своему характеру может быть определена как случайная, стратифицированная трехсту-

пенчатая, с контролируемыми квотами по полу и возрасту на последней ступени.

На первом этапе была получена статистика о численности каждого из более, чем 300 населенных пунктов Чеченской республики. Единственным доступным и относительно достоверным источником статистической информации в 2003 году являлись данные, имеющиеся в распоряжении районных, городских и сельских администраций. Эти данные позволяют судить как о численности в отдельных населенных пунктах, так и в каждом из районов республики, позволяют оценить доли городского и сельского населения. В настоящее время опубликованы данные последней переписи населения. И хотя по всеобщему мнению, достоверной эту статистику назвать нельзя, использование ее наряду с другими источниками кажется нам уместным.

Объем выборки был определен "эвристическим" путем. Наш опыт показывает, что обычно 1000 - 1500 единиц наблюдения оказывается достаточно. Так как было принято решение, что на одного интервьюера не будет приходиться более 10 анкет, то за "точку опроса" была принята цифра десять.

Затем был составлен условный, или, как его называют, кумулятивный список всего населения Чеченской республики, то есть внутри каждого района все населенные пункты были проранжированы по численности от большей к меньшей.

Для отбора конкретных населенных пунктов и количества респондентов в них использовался метод систематического или механического отбора. То есть, мы двигались по условному списку населения с рассчитанным шагом, представляющим собой частное от деления численности населения на размер выборки. На каждой "точке" откладывалось 10 анкет. В выборке оказались 75 населенных пунктов, при этом, в некоторых из них было несколько «точек опроса» (в Грозном – 17), а в большинстве – только одна - две. Таким образом, полученная выборка была стратифицирована:

- ◁ по географическому принципу: представлены все районы с пропорциональной численностью населения;
- ◁ по типу и численности населения в городах и селах каждого района: число интервью, приходящихся на отдельные населенные пункты пропорционально численности населения в них.

Как видно, отбор конкретных населенных пунктов был произведе-

ден случайным образом, и не был привязан к тем точкам, где нам было бы удобнее работать. Единственным отклонением было небольшое искусственное увеличение доли респондентов в малонаселенных южных районах: Шатойском, Шаройском и Итум-Калинском в целях сохранения представительности этих районов.

Опрос проходит в только форме индивидуального интервью по месту жительства респондента. Каждый интервьюер получал квотное задание (контролировался только пол и возраст) на каждые 10 анкет. Интервьюеры получают варианты анкет, как на русском, так и на чеченском языке. Респондент вправе выбрать более удобный ему вариант.

Для отбора квартир в городе или домов в селе использовалась схема, обеспечивающая случайность. Описывался маршрут в пределах выделенной территориально-маршрутной зоны. Интервьюер двигался по маршруту, следуя определенному в инструкции шагу. Если интервьюер оказывался в селе, это было зафиксировано у него в задании, он экспертно разбивал село на два участка, в каждом участке делал по пять анкет, он брал один дом справа, один дом слева, ходил через один дом, в доме опрашивался только один человек. Если в доме проживали несколько людей, подходящих по квоте, то интервью бралось у того человека, у кого ближайший день рождения. Результаты посещений фиксировались в маршрутных листах.

В Грозном маршрут опроса строился в соответствии с административным делением города на четыре района и долей населения в каждом из этих районов. В рамках определенной территориально-маршрутной зоны, интервьюером описывался маршрут, по которому он двигался с расчетным шагом. У каждого интервьюера на маршруте было не менее двух улиц. Если это была частная застройка, то маршрут строился по сельскому образцу. Очевидно, что маршрут периодически нарушался из-за того, что целые кварталы города абсолютно разбиты и люди в них практически не живут. Например, в большом многоэтажном доме может быть только несколько «живых» квартир. Тем не менее, «шаг» учитывал реальное число заселенных квартир на маршруте, и длина его зависела от плотности населения в данном квартале. По аналогичной схеме строился отбор квартир и в других городах, если интервьюер попадал на район многоэтажной застройки. В районах одноэтажной застройки, интервьюер действовал по «сель-

скому варианту» - десять анкет на двух улицах, шаг – через один дом, в доме опрашивается один человек.

Учитывая ситуацию в республике, обеспечить традиционное "троекратное посещение респондента" не представлялось возможным. В большинстве из населенных пунктов, где проходил опрос, он проводился экспедиционным методом. Интервьюеры были уроженцами исследуемых районов, но далеко не всегда жителями конкретных населенных пунктов. Возвращение к «недостигнутому респонденту» было крайне затруднительно. Кроме того, это удлиняло сроки поля. В Чечне опросы лучше проводить быстро. Многодневные хождения по одним и тем же адресам привлекали бы дополнительное внимание силовых структур, действительно стремящихся полностью контролировать ситуацию на вверенном им участке. Оперативный опрос в большинстве случаев оказывается неожиданным (невозможно просчитать время и место появления интервьюера), а потому проходит, как правило, без препятствий. Как видно, наши интервьюеры оказываются в более удачном для получения информации положении, нежели журналисты, которые после обязательной аккредитации могут «заботливо» опекаться весь период нахождения в республике.

Итак, если интервьюер фиксировал в маршрутном листе отсутствие респондента дома, он шел по маршруту дальше. В тоже время из-за отсутствия работы люди большую часть времени проводят дома, поэтому застать респондентов в Чечне легче, чем это обычно бывает в центральной России. Число замен и отказов фиксировалось в Маршрутной карте интервьюера.

Конечно, для последовательного обеспечения случайности, было бы предпочтительнее и на последней ступени отбора (выбор респондента в семье) использовать случайный метод. Однако мы вынужденно приняли решение работать по квотам. Опасение, что из-за смещений «случайного отбора» мы лишимся представительства какой-либо из социально-демографических групп, определило это решение. Из-за отсутствия достоверной статистической информации о половозрастной структуре населения Чечни, мы создали рабочие квоты, рассчитанные как на основе переписи, так и с учетом демографического блока наших собственных анкет.

Начиная с первых опросов в Чечне, мы стали вести дневниковые записи и проводить параллельно почти с каждым опросом специальные методические наблюдения. Вот некоторые их результаты.

Анализируя комментарии интервьюеров, сделанные ими в Маршрутных листах, можно прийти к выводу, что серьезных проблемы с проведением опроса у интервьюеров возникали нечасто. Некоторые интервьюеры указывают, на сложности, связанные с тем, что «было трудно добираться до селения». Чаще всего, описывая обстановку опроса интервьюеры писали: «особых проблем не было», «опасности не было». Однако, следует учесть, что понятие «норма» для них сильно отличается от восприятия ситуации в других регионах. Человек с оружием, проверяющий документы или «полномочия» других людей, для чеченцев – норма. В ряде случаев интервьюеры сталкивались и с прямыми угрозами: как со стороны боевиков, так и со стороны представителей силовых структур местной администрации. Были единичные случаи требований «прекратить опрос в нашем селе» или предъявить документы, разрешающие опросы. Специальная подготовка интервьюеров, предварительный разбор таких ситуаций, а главное простой жизненный опыт интервьюеров до сих пор помогали успешному проведению опросов без «чрезвычайных ситуаций».

Приведем несколько наиболее характерных записей из Маршрутных листов для того, чтобы лучше почувствовать атмосферу чеченского поля.

⟨ Ситуация в селе спокойная, отношение населения доброжелательное, но в большинстве случаев недоверие к перспективе улучшения ситуации в республике К опросу отношение настороженное.

⟨ Люди отвечали, как мне кажется, искренне, но предупреждали, что если с ними что-нибудь случится, то виновна в этом буду я.

⟨ В селе ситуация стабильная, отношение к опросу скептическое. Не верят, что после опроса ситуация улучшится.

⟨ Без гарантии анонимности опроса люди боятся говорить правду, но многие заинтересованы. Надо больше убеждать в анонимности.

⟨ Некоторые люди не верят, что это просто социологический опрос, думают, что это какая-то агитация, спрашивают, почему раньше ничего такого не было. После подробного разъяснения охотно отвечают.

⟨ Опрос прошел очень хорошо, было два отказа, потому что там жили сотрудники милиции, они отказались от опроса

⟨ Опрос проходил с респондентами, сидя за чашкой чая. Подозрения постепенно сменились доверием. Были вопросы, на которые отвечали, как мне показалось, с опаской (приводится список таких вопросов)

⟨ Один мужик грозил порвать листы, пришлось уйти.

⟨ В одном дворе наткнулась на людей в камуфляжной форме, по всей видимости людей Кадырова, когда они стали проявлять интерес к моим бумажкам, я тихо без объяснений ушла

⟨ Посоветовали быть осторожной, сказали, что кадыровцы забирают инокомыслящих

⟨ Ситуация в населенном пункте была очень стабильная, отношение населения было заинтересованное и доброжелательное, некоторые даже обижались, что и к ним не зашла. Проблема была лишь в том, что было очень трудно добираться до селения.

⟨ У людей была заинтересованность, отнеслись дружелюбно, приняли как гостя

⟨ Обстановка была напряженной. В день опроса на данном участке была проведена «зачистка». Люди в большинстве были возбужденные и озлобленные. Все респонденты были убеждены, что данный опрос является частью предвыборной агитации, и было сложно их разубедить в этом.

⟨ Отношение, против ожидания, было достаточно терпимым. Самым сложным было разубедить их в том, что я не человек, посланный администрацией.

⟨ Опрос проходил нормально, было несколько отказов из-за боязни Кадырова, т.е. люди думали, что меня подослали они.

⟨ Во время опроса в дом зашли люди, видимо, связанные с боевиками. Они спросили хозяина, что я тут делаю. Ко мне не обращались. Но пришлось опрос прекратить и уехать из села.

⟨ Люди доброжелательно относятся, когда узнают, что я не агитатор. Говорят, даже это опасно в это время, но я не заметила. Просили их в случае чего не выдавать.

⟨ Обстановка тревожная, ... ночью фактически станица была в руках боевиков. С каждым разом отношение все настороженнее. Некоторые советуют, чтобы не попался на глаза так называемым «кадыровцам».

⟨ Поселок полуразрушен, на улицах людей почти не видно. Но отношение ко мне восхищенное, будто я приехал с компенсацией.

Поведение респондентов во время интервью было оценено интервьюерами следующим образом:

- ⟨ заинтересованное - 63% респондентов;
- ⟨ безразличное - 14%;
- ⟨ скептическое - 9%;
- ⟨ настороженное 12%;
- ⟨ недружелюбное, враждебное 2%.

Восприятие интервью существенно различается у респондентов с разным уровнем образования (среди респондентов без образования заинтересованно отнеслись к интервью 56%, а среди респондентов с высшим и незаконченным высшим – 69%). Наименьший интерес интервью вызвало у жителей Грозного, наибольший – у жителей северных районов Чечни. Наиболее настороженно восприняли интервью жители центральных районов республики (17%), наименее настороженно – жители южных районов (7%). Недружелюбное, враждебное отношение к опросу сторонники идеи независимости Чечни демонстрировали чаще, чем респонденты, по мнению которых Чечня должна оставаться в составе России (соответственно 5% и 1% соответственно).

Как видно, главная для интервьюера проблема заключалась в том, чтобы убедить людей, что опрос не организован властями, а интервьюер не является агитатором. Теоретически, у интервьюеров была вероятность столкнуться и с боевиками. В этом случае перед ними стояла все та же проблема - дистанцировать себя от властей. Каждая «конфликтная» ситуация тщательным образом анализировалась. Совместно с интервьюерами мы пытались найти оптимальные пути, чтобы преодолевать эти барьеры. В значительной степени удалось этого добиться.

Таким образом, несмотря на все сложности реальной ситуации в республике, можно с определенной уверенностью говорить о том, что значительная часть населения адекватно реагирует на опросы. Наши личные наблюдения также подтверждают, что большинство чеченцев с удовольствием готово поделиться своими соображениями с социологами. Десятилетия никто не интересовался их мнением. И если удается преодолеть недоверие, люди готовы обсуждать самые острые вопросы. Я бы сравнил отношение к опросам в Чечне с той атмосферой, с кото-

рой мы сталкивались в центральной России во второй половине 80-х годов. Сначала, полушутливо-полусерьезно нас спрашивали: «А вы не из КГБ?», и после этого, не выслушав ответа, приглашали в дом, сажали за стол и, конечно, отвечали на вопросы анкет.

Интересными показателями, характеризующим особенности чеченского поля, являются данные о месте проведения опроса, условиях его проведения и наличии «третьих лиц». Обработка методических документов дает следующую картину.

- ⟨ 9% интервью было проведено на улице,
- ⟨ 49% - во дворе частного дома,
- ⟨ 42% - в помещении, внутри дома.

:

- ⟨ 68% интервью было проведено за столом, напротив друг друга,
- ⟨ 25% - сидя в непригодном месте,
- ⟨ 7% - стоя.

«

- ⟨ в 41% случаев никто при интервью не присутствовал,
- ⟨ в 27% - кто-то присутствовал, но не прислушивался к разговору,
- ⟨ при 21% интервью кто-то присутствовал, прислушивался, но не вмешивался в интервью,
- ⟨ в 11% процесс интервью сопровождался вопросами посторонних и их комментариями.

Отдельная тема – язык, на котором проводились интервью. Мы уже отмечали, что все наши интервьюеры в равной степени владеют чеченским и русским языками. Все анкеты обязательно переводились на чеченский язык, и интервьюер мог использовать тот вариант, который более удобен респонденту. Методические наблюдения во время одного из типичных опросов показали следующее:

- ⟨ **13%** интервью было проведено на чеченском языке (среди старшей возрастной группы – 30%, среди респондентов без образования 38%, в южных районах – 22%),

- ⟨ **25%** - большая часть интервью была проведена на чеченском языке, меньшая часть на русском,
- ⟨ **32%** интервью были проведены, по преимуществу, на русском языке,
- ⟨ **29%** - полностью на русском.

Как видно, интервьюеры вынуждены были переходить с языка на язык в более, чем половине интервью. Но таковы реалии жизни. Общественно-политическая терминология даже в традиционных чеченских семьях артикулируется на русском языке. Данная ситуация породила дополнительные сложности для интервьюеров, которым как известно запрещено пересказывать вопросы «своими словами» и, тем более самостоятельно переводить их. Все наши анкеты переводят специалисты кафедры чеченского языка университета, а интервьюеру вменяется в обязанность давать дословный перевод. Очевидно, что интервью почти всегда начинается на чеченском языке. Даже в ситуации, когда респондент предпочитает говорить на русском, наличие чеченского варианта анкеты является очень важным психологическим фактором, повышающим доверие к опросу.

Завершенное интервью	1054	0,72
Незавершенное или прерванное интервью	9	0,01
Отказ из-за отсутствия времени	48	0,03
Отказ от интервью	110	0,08
Не пустили в квартиру	8	0,01
Респондент не в состоянии отвечать	4	0,00
Нет подходящего по квоте	122	0,08
Никого нет дома	74	0,05
Пустой или разрушенный дом	37	0,03
Всего интервью	1466	

Важным показателем надежности измерения является вероятность достижения случайно отобранного респондента или контроль за числом замен на последней ступени выборки. Анализ Маршрутных листов одного из типичных опросов 2005 года показывает, что вероят-

ность успешного проведения интервью на территории Чеченской республики равна 72%. Это заведомо выше, чем, скажем, в Москве.

Правильность измерения, как известно, во многом зависит от качества инструментария. В этом смысле, опросы в Чечне принципиально не отличаются от исследований в любых других регионах. Просто необходимо учитывать возможность крайне обостренной реакции на некоторые проблемы, и следует по возможности заранее предвидеть, где могут возникнуть такие «болевы́е точки». Скажем, простой открытый вопрос: «Какие проблемы республики должны быть решены в первую очередь?» в Чечне мог породить в ответ страстный монолог и рассказ о бедствиях последнего десятилетия. Однако, это вовсе не значит, что в результате невозможно получить необходимую информацию. Просто важно быть терпеливым, уважительным, и суметь вовремя повторить вопрос, сфокусировав внимание на главном. Такие особенности тоже обсуждались на занятиях с интервьюерами.

Судя по отчетам интервьюеров и нашим наблюдениям, респонденты в Чечне опасались отвечать или отвечали неискренне в основном на вопросы такого рода:

- ◁ За кого из кандидатов, вы не стали бы голосовать ни при каких обстоятельствах
- ◁ Отношение к терактам, взрывам шахидов-смертников в Чечне и в Москве
- ◁ Оценка работы Кадырова и других руководителей республики.
- ◁ Отношение к лидерам сил сопротивления.

Как видно, все это оценочные вопросы, которые, во-первых, возникают не в каждом опросе, а, во-вторых, могут восприниматься более терпимо, если их поставить на удачное место и разбавить другими темами.

В первых опросах, учитывая неопытность интервьюеров и непредсказуемую реакцию на вопросы, мы использовали простые и короткие анкеты. Конструкция анкеты включала в себя «буферные» вопросы, разогрев, вопросы о фактах, и затем, вопросы о мнениях. В последствии мы убедились, что интервью может быть успешным и при 35-45 минутной длительности. Именно такими были наши ежегодные анкеты, посвященные восприятию и потреблению СМИ.

Вообще, в наших анкетах всегда было много открытых вопросов.

. " " " " . Быть может,
это не научное, но весьма верное определение сущности деятельности
социолога, работающего в экстремальных условиях.

“ ” “ ”

В мае-июле 2004 года Самарский Фонд социальных исследований проводил необычные фокус-группы. Эту работу можно смело отнести к экстремальной социологии. Мы имели дело с так называемой «первой группой риска» – то есть опасность работы исходила от респондентов. Объектом нашего исследования стали ВИЧ-инфицированные.

Цели, которые мы ставили перед собой, главным образом, сводились к одному - изучить отношение различных социально-демографических групп населения к проблеме ВИЧ/СПИДа, в том числе отношение самих ВИЧ-инфицированных. Исследования было проведено по заказу Лондонской Школы тропической медицины – ведущего мирового института, изучающего проблемы общественного здоровья.

В ходе фокус-групп мы должны были определить основные аспекты информированности о ВИЧ/СПИДе среди инфицированного и неинфицированного населения; выявить стереотипы в отношении ВИЧ/СПИДа; определить основания формирования стигмы в отношении ВИЧ; выявить различия восприятия ВИЧ-инфицированных в социально-демографических группах; выявить различия восприятия ВИЧ/СПИДа среди инфицированного и неинфицированного населения.

В рамках исследования было проведено 14 фокус-групп, различающихся по полу и возрасту участников. Из них 8 групп проводились со здоровым населением города Самары, 4 группы – с ВИЧ-инфицированными, 2 группы – с ВИЧ-инфицированными и одновременно болеющими туберкулезом. В итоге в группах участвовали 109 чел. (63 мужчины и 46 женщин).

Страх общения с инфицированными можно назвать своеобразным мифом. Стереотипы общественного мнения в отношении способов передачи ВИЧ являются основанием для формирования стигмы. ВИЧ-инфицированным приписывают причастность к негативным социальным практикам, в этом смысле инфицированный автоматический становится «спидозником». Во-первых, потому, что различия между

Достаточно противоречиво отношение участников группы «здоровых» к ВИЧ-инфицированным и значительна мифологизация темы ВИЧ/СПИДа вообще. Возможное инфицирование «примерялось» самим участникам (прежде всего – здоровым респондентам), их ближайшему окружению, родственникам, представителям различных профессий (учителя, врачи). Выяснилось, что если в отношении собственного взаимодействия с ВИЧ-инфицированными респонденты проявляли лояльность (в худшем случае затруднялись представить, как отнесутся к инфицированной подруге или коллеге по работе), то в отношении контакта инфицированных со своими собственными детьми однозначно отвергали возможность подобного контакта.

Информация о заболевании не является закрытой, однако доверие мифам в определенном смысле более высоко, нежели медицинским фактам. Вероятно, обращение к мифам является основанием собственного оправдания в отторжении ВИЧ-инфицированных.

Участникам групп (как ВИЧ-инфицированных, так и «здоровых») предлагалось оценить свою информированность о ВИЧ/СПИДе. Большинство затруднились пояснить различия между ВИЧ и СПИДом. Это связано с тем, что осведомленность респондентов о заболевании, как сами они подчеркивали, касалась аспектов, связанных со способами передачи инфекции. Основная нехватка информации, по мнению участников, заключается в осведомленности об основных симптомах и пути заболевания вообще: ё . " " " /
. " " " (типичное высказывание). "

К основным способам передачи заболевания респонденты отнесли следующие:

- < Потребление наркотиков
- < Беспорядочная половая жизнь без использования презерватива

Соответственно, в группы риска участники отнесли людей, имеющих отношение к этим практикам (наркоманы, женщины легкого поведения). Основной характеристикой ВИЧ-инфицированных является их молодой возраст (до 35 лет), склонность к девиантному поведению (употребление наркотиков, алкоголя, «плохие компании» и т.д.), особые личностные качества (безволие, психическая неустойчивость).

Вместе с тем, участники говорили о возможности инфицирования и вполне «добропорядочных» людей – например, при обращении к

медицинской помощи. Также приводились различные примеры «случайного» заражения, в основном, опирающиеся на слухи и имеющие криминальную окраску (насильное заражение посредством укола с зараженной кровью в общественном транспорте или лезвия в перилах). Информация об этом поступила из газет и слухов. Примечательно, что последние способы оказались для респондентов даже более реальными (применительно к себе), нежели через выделенные ими основные пути заражения ВИЧ (половые контакты или переливание крови). Показательным является высказывание одной из участниц –

«...»

Таким образом, само заражение ВИЧ-инфекцией участницы связывают преимущественно с обращением к негативным практикам, таким как беспорядочность половых связей и потребление наркотиков, что автоматически относит ВИЧ-инфицированных к девиантным группам (* «...»). Так, одна из участниц (имеет семью и ребенка), высказала опасение, что если окружающие узнают о ее инфицировании (ситуация моделировалась), то подумают, что она изменила мужу. Другая (студентка ВУЗа) предположила, что знакомые ее матери могут сказать, что она ведет неразборчивую половую жизнь («...»). Иными словами, закрепленные в общественном мнении способы заражения ВИЧ связывают инфицированных с поведением, идущим вразрез с общепринятыми в обществе нормами. При этом в исследуемой группе данное представление подавляло рациональные мнения о реальности заражения другими способами («меня заражат в больнице, а все подумают, что я изменила мужу»).

Особое внимание при организации проекта было уделено анонимности респондентов. Свойственная любому социологическому исследованию, в данном случае анонимность была обязательной. Все сведения, полученные в ходе проведения фокус-групп, носили конфиденциальный характер. О респондентах мы имели минимум сведений. Рекрут больных участников проходил через их лечащих врачей, по спискам стоящих на учете в СПИД-центре и ТБ-диспансерах. Респонденты, кого заинтересовало участие в подобном исследовании, сами звонили в Фонд и записывались на фокус-группу. Естественно, что от менеджера отдела качественных исследований требовалось максимум такта при проверке того, что респондент подходит для исследования, т.е. инфицирован ВИЧ. Несмотря на предполагаемую секретность ме-

Участники групп говорили о проблемах, с которыми они сталкиваются.

Первое, это проблемы психологического плана – так, некоторые участники рассказывали, что пытались покончить жизнь самоубийством. Второе, проблемы выстраивания контактов с окружающими. Выяснилось, что большинство участников тяготеют к контактам с ВИЧ-инфицированными, многие установили связь с партнерами уже после инфицирования. Следующий блок проблем, связанных с медицинским аспектом (получение квалифицированной помощи, анализов и лечения).

Никто из участниц не сказал, что не хотел бы знать о своем заболевании. Тем не менее, практически все респонденты были позитивно и относительно оптимистично настроены в отношении своего будущего, часть планирует в будущем иметь детей. Возможно, это связано с тем, что большинство на данный момент не испытывает существенных проблем со здоровьем. В то же время практически все продемонстрировали опасения за его состояние в будущем – во многом из-за того, что не представляют, чем для них может обернуться данное заболевание.

Появление группировок в России не носило целенаправленного характера - они сложились в результате достаточно длительного естественного процесса развития, который продолжается и сегодня. Российские группировки возникают вследствие плохой адаптации отечественной молодежи к неблагоприятным социально-экономическим условиям. Ограниченность доступа к институционализированным возможностям материального обеспечения и затрудненность социальной мобильности для значительной части российской молодежи также являются причинами выбора делинквентной карьеры в группировках. Большую роль в воспроизводстве группировок сыграл преступный мир, который в определенный период времени «освоил» подростковые компании и преобразовал их в хорошо организованные группировки.

Рискованный характер таких групп выражается в том, что попадающие в них новички быстро включаются в криминальные практики, связанные с насилием по отношению к представителям других молодежных групп, кражами чужого имущества, торговлей и распространением наркотиков и т.п. Социализация в группах риска формирует у молодого человека экстремальные идентичности.

При исследовании проблемных социальных групп (не только группировок, но также и бездомных, наркоманов, проституток и т.п.) применение количественных методов невозможно, поскольку нет адекватных представлений об объеме генеральной совокупности и ее территориальном распределении. Кроме того, закрытый характер исследуемых групп затрудняет поиск и опрос необходимого для количественного анализа числа респондентов. Исходя из этого, для исследования группировок нами была выбрана качественная методика сбора социологической информации – полуструктурированные глубинные интервью.

При использовании качественных методов теоретико-методологической рамкой исследования может стать феноменологическая теория, которая в качестве реального феномена рассматривает непосредственный опыт и сознание изучаемой личности. При этом внимание исследователей концентрируется на реакции членов группировок на собственное поведение.

Вовлеченность членов группировок в криминальную деятельность и закрытый характер этих групп делает их исследование, с точки зрения обычной социологии, экстремальным, поскольку общение происходит не в местах заключения, а в условиях обычной городской среды.

* * *

Существует два типа территориальных подростково-молодежных сообществ - дворовая (соседская) компания и территориальная делинквентная шайка, характерные черты которых мы выделили выше. Вместе с тем, как показывают наши исследования, делинквентная шайка по некоторым признакам очень схожа с организованной преступной группировкой, но существуют и значимые различия. Так, члены делинквентных шаек получают средства от краж, грабежей, разбоев, а также, выполняя различные поручения членов ОПГ: наехать на коммерсанта, сжечь ларек и т.п.; не допущены к «общаку» и, как правило, не имеют машин.

Данные нашего исследования коррелируют с мнением бывшего начальника УВД г. Казани, который считает, что полной автономии группировок несовершеннолетних от организованных преступных групп фактически не существует. Самоорганизация шаек происходит под пристальным присмотром членов ОПГ. Как правило, представители подростковых группировок (в возрасте 15-17 лет) выполняют конкретные функции или разовые задания. Подростки-группировщики – это эксплуатируемая часть преступных сообществ. Чаще всего им поручается выполнение грязной и грубой работы (рэкет, выколачивание долгов, расправа с провинившимися и пр.), т.е. исполнение насилия³.

Члены группировок («пацаны») живут в соответствии с неким сводом норм и образцов поведения – «по понятиям». В отличие от членов группировок, парни не входят в группировки, но также живут по их «понятиям». Таким образом, парни являются как бы промежуточным звеном между «пацанами» и «лохами». «Лохи» (часто, - жертвы вымогательств, издевательств, оскорблений) находятся на другом полюсе иерархии.

---

³ См.: Акбаров Н.Г. Состояние и тенденции преступности несовершеннолетних: региональные проблемы борьбы и профилактики. – Казань, 1999, с. 99.

В некоторых группировках раньше разрешалось выйти только один раз в год. Был, так называемый, «Юрьев день», когда все желающие выйти могли об этом заявить²².

Таким образом, система приема в группировку обеспечивает воспроизводство подобной формы организации подросткового сообщества, а процедура исключения, являясь действенным инструментом социального контроля, помогает избежать накопления критической массы девиаций внутри группировки.

Для понимания функционирования группировки необходимо рассмотреть феномен лидерства, а также организационные средства и финансовые ресурсы.

Нередко лидеры отличаются авторитарным стилем руководства, их уважают, боятся, им беспрекословно подчиняются. Лидер вырабатывает стратегию деятельности группировки, решает вопросы с дружественными группировками и конкурентами, контролирует «общак». Он же получает самое большое вознаграждение, но его задача - не только объединить вокруг себя людей, но и дать им возможность заработать²³. Как показывают материалы уголовных дел конца 1970-80-х (в частности, дела «Тяп-ляп»), раньше в лидерах ценились физическая сила и проверка тюрьмой (например, Сергей Антипов обладал сильным ударом и неоднократно сидел в тюрьме).

Сейчас в лидерах ценятся прежде всего их организаторские и предпринимательские способности ум, энергичность, умение вести переговоры, отстаивать интересы собственной группировки на «стрелах». Большинство лидеров уже не имеет судимости, поскольку они совершают латентные, трудно доказуемые преступления (например, рэкет или организация преступного сообщества) или попадают на мелочах (ношение оружия или случайное хулиганство)²⁴.

Первоначально лидерами становились «естественным» путем, завоевывая авторитет в ходе совместных действий. Необходимость защиты территории, противостояние враждебным группировкам, требовавшее формализации отношений, совпало со стремлением лидеров к удержанию власти. В результате, на основе естественной возрастной стратификации, лидеры сформировали жесткую иерархическую струк-

---

²² С., 20 лет, бывший лидер группировки «КГ», г. Казань (июнь, 1995).

²³ См., напр.: Михайлин Д. Наверх по лестнице, ведущей вниз // Криминал-антикриминал в Татарстане. - 1997. - № 4, с. 21.

²⁴ См.: Там же, с. 21.

нениям» запрещено получать доходы от содержания проституток («б-ский стоц»). Однако проституток все равно держат, но через подставных лиц³⁶.

Члены группировок (младшие группы), которые не имеют собственного дохода, платят в общак из своей стипендии или берут деньги у родителей.

«Общак» предназначен как для нужд своего «возраста», так и для старших. Среди основных статей расходов можно выделить материальную помощь сидящим в тюрьмах и лежащим в больницах («грев»), найм адвокатов, взятки * ё " "), помощь родственникам погибших, организацию похорон и т.д.

Вместе с тем, на вопрос, приходилось ли вам брать деньги из «общака» были получены различные ответы. В одних группировках, если у «пацана» есть какие-либо материальные затруднения, он может занять деньги из общака, но с условием возврата:

" " " " " " " " / "
" " " " " " " " 0 "
37.

Или:

" " " " " " " " / "
" " " " " " " " 0³⁸" "

В других группировках деньги из общака брать нельзя:

" " " " " " " " 39,"

Таким образом, можно констатировать, что за два десятилетия в казанских группировках сложилась детально регламентированная система, статусов, ролей, ритуалов и процедур, обеспечивающая воспроизводство и функционирование территориальных подростково-молодежных шаек.

. За организационной стороной процесса воспроизводства подростково-молодежных группировок существует четкая система норм и ценностей («понятий»).

³⁶ По материалам интервью с Л. - бывшим директором предприятия, работающего под «крышей» группировки «Ч» (февраль, 2001).

³⁷ Н., 19 лет, активный член группировки «П», г. Казань (март, 2000).

³⁸ Б., 19 лет, член группировки «Ж» г. Казань (февраль, 2001 г.).

³⁹ И., 32 года, член группировки «С», г. Казань (февраль, 2001 г.).

ции нередко сопровождаются психологическими конфликтами. Подобные конфликты играют важную роль в жизни подростковых сообществ в разнообразных культурных контекстах стран мира. Существуют мирные способы разрешения конфликтов: примирение, компромисс, уступка, извинение и т.п. Однако, так как члены шаек постоянно сталкиваются с насилием, у них вырабатывается свой взгляд на то, как выжить в этом обществе: они принимают насилие как нормальный и вполне удобный способ решения конфликтов.

Шайка является конфликтной группой. Она развивается посредством борьбы и побед в подростковых войнах. В борьбе за существование шайка должна драться с враждебными группами для поддержания своих привилегий, прав собственности и физической безопасности своих членов. Шайки образуются довольно спонтанно из групп, «околачивающихся на углах улиц», испытывавших угрозу физического насилия. Они начинали драться, укрепляли внутренние связи, что приводило к формированию устойчивых шаек.

По нашим исследованиям, групповая драка, до появления группировок, была одним из ключевых моментов в жизни традиционных соседских подростковых сообществ (дворовых компаний). Драки являлись своеобразным экзаменом, проверкой на степень соответствия идеалу «настоящего парня», выполняя при этом, конечно, и функцию разрешения конфликтов. В них выяснялось - кто есть кто. Именно через драку строились отношения между подростками. От того, как подросток вел себя в драке, зависел его статус в подростковом мире. Отсюда и своеобразный кодекс чести, разный в разные времена и в разных местах, но всегда задающий некоторые принципы, которые не позволяли дракам выходить за определенные рамки (например, один на один, без оружия, до первой крови, лежачего не бить и т.п.).

Подростковые группировки трансформировали функции драки и нормы разрешения конфликтов. Групповые драки стали для них средством реализации политики экспансии, запугивания и демонстрацией силы. Кодекс чести был забыт, правил не стало, все средства стали хороши. Начало применяться оружие и, в конечном счете, они превратились в коллективные перестрелки.

Если раньше драки были своеобразным ритуалом, не имевшим каких-то тяжких последствий, то теперь это превратилось в настоящую войну, с жертвами и делением на два лагеря - своих и врагов, возникла идеология мести и насилия.

Описанная трансформация привела к тяжелым последствиям: примерно 5-6 подростков в год погибали только в г. Казани в драках между группировками, многие получали ранения и тяжелые увечья. С появлением делинквентных группировок, вместе с нормами поведения в драках, поменялись практически все нормы традиционных подростковых дворовых компаний. Все те, кто ценил и защищал свою независимость, вынуждены были принимать новые правила игры.

Подростковые драки могут быть изучены с использованием концепции сфокусированных и несфокусированных взаимодействий. Несфокусированные взаимодействия обычно происходят в общественных местах, таких как парки, улицы, школы и колледжи. В ходе взаимодействий подобного типа, их участники обмениваются общей информацией друг о друге, пытаются с первого взгляда понять, кто есть кто. Этим способом подростки узнают друзей и врагов, а также решают, вступать ли им в разговор, конфликт или постараться избежать взаимодействия.

Когда происходит встреча, вызванная каким-то конкретным поводом, они переходят от несфокусированного к сфокусированному взаимодействию. Фокусом такого взаимодействия может быть тема разговора, уличное вымогательство или групповая драка. Например, драка между шайками всегда начинается с несфокусированного взаимодействия и переходит в сфокусированное.

Перед сменой фокуса в сторону драки, члены конфликтующих подростково-молодежных группировок в России, как правило, пытаются использовать всю силу аргументов для убеждения противника в том, что он не прав («загружают»). В ходе «загрузки» (диалог перед дракой) обычно используется схоластическая логика, а само умение «грузить» ценится в группировке очень высоко. Более того, члена группировки могут даже «отшить» (исключить), если он не может защитить себя при помощи слов.

«Войны» между группировками служат сегодня главным средством выяснения взаимоотношений между группировками. Также война способствует повышению авторитета группы. По мнению ряда экспертов, в ряде случаев, даже в периоды «войн», главари группировок, жили достаточно «дружно» и делали общее дело. Войны же служили для поддержания формы, организации и дисциплины исполнителей, поэтому шло постоянное разжигание вражды между группировками,

формирование идеологии войны и мести⁴⁵. Поводов к войне может быть очень много - деньги, личные обиды, драки и т.п.

Война обычно идет на счет (т.е. на количество пострадавших с той и другой стороны), в ее ходе используют разнообразные тактики:

- " " " " "

= "

- " * ё " + "

" " " * ё " / "

" ="

- " " " " "

" " " " "

" " " "

46 "

Можно отметить, что группировки всегда могли гибко менять свою тактику. Так, в конце 1980-х, после усиления патрулирования улиц милицией в вечернее время, они стали совершать набеги на территории других группировок рано утром. Эти неожиданные набеги назывались «С добрым утром!»⁴⁷

Войны обычно длятся 3-4 дня, и заканчиваются переговорами между противниками («стрелами»):

- " "

" * ё " " + 0 "

" " 0 " " /

" " " - 7 " " + " /" " * 6

" " " " " " 0 " " "

" " " " " " " " "

" " " " " " " /

" " " 0 " " " " "

" " " " " " " "

" " " 0 " " " " "

" " " " " " " /

⁴⁵ Интервью с бывшим начальником отделения по делам несовершеннолетних МВД ТАССР, полковником Е.Н. Гатцуком, май 1990 г.

⁴⁶ Н., 19 лет, активный участник группировки «П», г. Казань (март, 2000).

⁴⁷ С., 20 лет, бывший лидер группировки «КГ», г. Казань (июнь, 1995).

и нормы группировок либо позиционировать себя по статусу не ниже члена группировки, что для человека со стороны представляет немалую сложность. Чтобы обеспечить валидность получаемой от члена группировки информации, исследователь должен однозначно дать ему понять, что не связан с правоохранительными органами и другими административными структурами. Неумение найти контакт или подозрительное поведение может превратить его в жертву насилия.

. " " " " "

Профессию социолога обычно не принято относить к числу опасных. Например, если судить по числу инцидентов со смертельным исходом на рабочем месте (в расчете на 100,000 работников), в 2004 году самыми опасными в США были профессии авиапилотов и рабочих на лесозаготовках (коэффициент смертности 92.4), рыбаков (86.4), металлургов, занятых в «горячем цехе» (47), мусоросборщиков (43.2), фермеров и ранчеров (37.5), кровельщиков (34.9), электриков (30), водителей большегрузных автомобилей (27.6) и таксистов (24.2) [1]. Сходная статистика для России менее доступна, но можно предположить, что и здесь «погибших при исполнении» социологов не так много. Тем не менее задачей этого краткого эссе будет показать, что социологи в действительности сталкиваются с существенными рисками при осуществлении своей профессиональной деятельности, причем величина этих рисков зависит в меньшей степени от предмета исследования или применяемого метода чем от того, насколько результаты исследования ставят под сомнение сложившееся – как в науке, так и в обществе в целом – статус-кво.

Сам по себе объект социологического исследования, даже если речь идет о тюрьме, организованной преступности или терроризме, редко становится источником серьезной опасности для ученого. Например, известно, что относительное число зарегистрированных правонарушений в российской тюрьме (в расчете на 1,000 человек) в середине 1990-х годов было практически на порядок ниже, чем в обществе в целом: 3.67 против 29.92 [2: 86]. Поэтому даже личное присутствие исследователя в тюремной среде не обязательно влечет за собой увеличение вероятности стать жертвой насилия (с чисто статистической точки зрения риск подвергнуться нападению выше как раз вне тюремных стен). Более того, при изучении «опасного» объекта «на расстоянии» исследователь и вовсе способен свести риск к минимуму. Сбор данных с помощью «посредников» – нанятых интервьюеров; ассистентов; лиц, играющих роль «культурных брокеров» – существенно облегчает задачу изучения даже самых жестоких вооруженных конфликтов, таких как война в Чечне [см., например, 3].

Если основные риски связаны не с объектом исследования, то, может быть, все зависит от выбора метода исследования? Одно дело – полагаться на вторичные источники (например, данные правоохранительных органов или материалы журналистских расследований) при изучении организованной преступности, а совсем другое – попытаться осуществить «включенное наблюдение» повседневной жизни одной из «бригад» или уличных банд на протяжении достаточно длительного времени. Один из канадских исследователей, на протяжении нескольких лет изучавших различные аспекты жизни, в том числе криминальные, байкерского клуба, был вынужден ради исследовательских целей пройти через ряд серьезных испытаний, включая участие в различного рода «разборках» [4]. Использование термина «методология, связанная с высоким риском», в данном случае выглядит уместным. Другим классическим примером применения методологии, связанной с высоким риском, стало исследование социальной среды гомосексуалистов, ведущих «двойную жизнь»: с одной стороны – примерных гетеросексуальных семьянинов, а с другой – завсегдатаев удаленных отхожих мест в парках, находящихся в поиске случайных и ни к чему не обязывающих гомосексуальных контактов [5]. Автор подвергался насилию и со стороны полиции (за отказ указать истинные цели своего систематического присутствия в таких достаточно странных местах: такое указание могло бы привести к требованию раскрытия информации о наблюдаемых субъектах), и гомосексуалистов, и агрессивно настроенных борцов с ними. Однако с самыми большими проблемами автору – и его научным руководителям – пришлось столкнуться уже после публикации результатов своего исследования: они привели к поляризации как научного, так и общественного мнения, затруднили защиту докторской диссертации, а так же негативно сказались на судьбе кафедры, на базе которой было выполнено исследование. Одна из лучших в 1960-ые годы в США программ по социологии в Университете Вашингтона (Сен-Луис) была закрыта, и по сегодняшний день социологические предметы остаются исключенными из программы данного университета [6: 284].

Последний пример особенно интересен тем, что он позволяет различить риски, связанные с выбором методологии исследования потенциально опасного объекта, и риски получения результатов, ставящих под сомнение доминирующие в науке и/или обществе в целом мнения. Что касается рисков первого типа, то опасный характер объек-

та исследования является необходимым, но недостаточным условием их роста: они зависят от избранной методологии исследования. Наиболее «безопасным» методом изучения потенциально «опасных» объектов представляется использование вторичных данных и других косвенных (*unobtrusive*) методов анализа. Далее идут углубленные интервью и опросы, – если применение этих методов возможно, то исследователю удастся сохранить безопасную дистанцию. Наконец, включенное наблюдение связано с наибольшей степенью риска для исследователя. Система этических кодексов исследовательской деятельности, особенно развитая в Северной Америке, позволяет, выражаясь экономическим языком, сократить риски и «разделить» их между исследователем и организацией, в которой он работает. Если исследование получает позитивную этическую оценку специального комитета, то, после прецедента, установленного в 1994 года делом Рассела Огдена (Russel Ogden), университет тоже несет ответственность за возможные риски, которые могут возникнуть в его процессе. Огден изучал среду ВИЧ-инфицированных лиц, а так же ряд внезаконных и криминальных практик, в которые они иногда вовлечены. Учитывая последний аспект, полиция потребовала от исследователя раскрыть источники своей информации, несмотря на гарантии конфиденциальности, данные им информантам. В конечном счете университет, на базе которого проводилось исследование, был вынужден признать факт своей непосредственной вовлеченности в конфликт между исследователем и полицией [7: 208].

С рисками получения «нежелательных» результатов дело обстоит сложнее. Хотя насилие, которому может подвергнуться в этом случае исследователь, не обязательно носит физический характер, как это происходило в Советском Союзе в 1930-ы годы, насилие в символической и иных формах (увольнение, угроза увольнения [об отличиях между негативными санкциями и угрозой их применения см. в 8: 183-5], создание затруднений в академической карьере, в публикации результатов, ограничение доступа к финансовым ресурсам, целенаправленное разрушение научной репутации и т.д.) оказывается не менее болезненным. По мнению П. Бурдье, ненависть и насилие в символической форме, обращенные ко всем тем, кто придерживается иной, противоположной точки зрения являются отличительной чертой большинства научных дискуссий [9: 39]. В не-парадигмальных науках [формальное определение парадигмы можно найти в 10: 88 sq], то есть

в областях научного знания, в которых сосуществует множество теорий и нет устойчивого согласия, а социология без сомнения является одной из них, господствует ситуация, лучше всего описываемая словами сатирика А. Кнышева: «каждый по своему прав, а по-моему не прав». «Нежелательным» автоматически становится любой результат, который не вписывается в рамки конкретной теории. Отсюда парадоксальность ситуации, когда институциональная организация самой науки становится потенциально опасным объектом исследования – именно из-за высокого риска получить «нежелательные» результаты. Так, ввиду «взрывоопасности» результатов, исследование научной среды П. Бурдье [9] дождалось дня своей публикации около полутора десятков лет. Подобного рода исследования осмеливаются публиковать либо обладающие большим «весом» в научной среде ученые [см. так же 11], либо – в форме мемуаров – уже после отхода от активной научной деятельности.

Риски получения результатов, «нежелательных» по мнению не непосредственных коллег, а общественного мнения за пределами академии, имеют несколько иную «механику» возникновения и развития. В социологическом исследовании они зависят от выбора конкретной теории – из того множества, что образует не-парадигмальную среду. Можно предположить, что выбор позитивистского подхода – особенно в его функционалистской интерпретации – минимизирует вероятность получения «нежелательных» результатов второго рода. Ведь данный подход строится на базе допущения о том, что все социальные процессы естественны, функциональны и упорядочены. Сторонники качественных методов зачастую вменяют тем исследователям, которые предпочитают методы количественного анализа, наиболее адаптированные к решению функциональных задач, прямое или косвенное содействие сохранению сложившегося в обществе статус-кво [см., например, 12]. Выбор интеракционизма в качестве отправной точки в исследовании может обусловить целый ряд неожиданных и заранее непредсказуемых результатов, но они вряд ли окажутся «нежелательными», ибо касаются исключительно взаимодействий на микро-уровне (точнее, результаты могут оказаться «нежелательными», но лишь в локальном и ограниченном масштабе, а не в масштабах общества в целом). Наконец, теории конфликта, начиная с марксизма и заканчивая феминистскими теориями и критической социологией М. Фуко и П. Бурдье, именно ввиду своей критической ориентации и акцента на

властных отношениях, имеют «запрограммированно» высокий риск получения «нежелательных» результатов и с точки зрения общественного мнения (мнения большинства), и с точки зрения представителей групп(ы), контролирующих власть в различных сферах повседневности.

Критика, то есть суждение об относительном или абсолютном несовершенстве сложившейся «конституции» социального действия и господствующей модели властных отношений подразумевает – явным или неявным образом – принятие за точку отсчета некой альтернативы. Выбор критической перспективы поэтому означает тесное переплетение нормативного и позитивного анализа (стоит ли говорить, насколько часто оно становится предметом осуждения). Даже «неконструктивная» критика предполагает отсылку к определенной «шкале» оценок. Во-первых, эта «шкала» может иметь абсолютную точку отсчета, «ноль», когда критик ссылается на некие терминальные ценности, которые недостижимы в рамках сложившейся институциональной системы. Так, наиболее систематичная версия критики китайского «социализма» со стороны представителей китайской интеллектуальной диаспоры на Западе построена через отсылку к традиционным ценностям китайского общества, разрушенным революцией в конце 1940-х-1950-х годах [13]. Точка отсчета может располагаться «впереди» – в случае, когда «отсталость» сложившейся системы критикуется с позиций некоего идеала, либо сконструированного с помощью философии морали [о роли философии морали в конструировании абсолютных критериев оценки см. 14: 21 sq.], либо предположительно воплощенного на практике в «модерном» (вариант – «пост-модерном») обществе. Критика в терминах «отсталости» принимает преимущественно «оптимистические» оттенки: указание на конкретный и потенциально достижимый идеал способствует тому, чтобы, выражаясь словами Дж. Кейнса, «действовать, а не сидеть, сложа руки» [15: 349]. Основной риск для исследователя при использовании данной модели критики связан с опасностью превращения в маргинализированного и отчужденного инноватора. «Продвинутые индивиды с равной вероятностью могут как превращаться в препятствие социальным изменениям, так и становиться их движущей силой» [16: 37].

Не исключен и вариант, когда точка отсчета располагается «позади», то есть существующий порядок сравнивается не с «абсолютным добром», а с «абсолютным злом». Чем ближе, как постулируется, су-

шествующий порядок к «абсолютному злу», тем жестче критика и тем выше риски для исследователя. Его могут обвинить, например, в разжигании упаднических настроений – преступление, согласно обществу мнению, более серьезное, чем неоправданный оптимизм оторвавшегося от масс инноватора [попытка сопоставления последствий разжигания упаднических и оптимистических настроений в контексте пост-социалистических трансформаций предпринята в 17: 78-9]. Логика предлагаемых изменений тогда принимает форму выбора наименьшего из двух зол, а критика по этой причине – преимущественно пессимистическую окраску. Примером критики через выбор наименьшего из двух или нескольких зол можно считать анализ российского общества через призму тюремного сообщества [2, см. так же дискуссию о допустимости использования модели тюремного сообщества для анализа российского общества в целом в 18]. Описание пост-советской социально-экономической системы в терминах «ни-ни», то есть «ни социализм, ни капитализм», является другой иллюстрацией выбора между двух зол. Согласно В. Андрееву, в пост-советский период механизмы, обеспечивавшие стабильность социалистического порядка, перестали действовать, а механизмы, поддерживающие капиталистический порядок, еще не начали действовать, поэтому переходная система «хуже» и первого, и второго варианта [19: 71 sq.]. Стоит отметить, что критика на основе выбора наименьшего зла не исключает более или менее строгого определения вектора предлагаемых изменений: в терминах теории игр, речь идет об использовании стратегии максимин, подразумевающей минимизацию возможного ущерба.

Во-вторых, точка отсчета для критики может быть относительной. Основное отличие критики в «относительных» терминах от критики в «абсолютных» терминах заключается в том, что направление изменений задать и даже предугадать нельзя. Исследователь сравнивает различные «конституции» социального действия и/или модели властных отношений, при этом не исключая возможности, что все они могут оказаться одинаково «плохими» и, следовательно, достойными уничижительной критики. Таковы, например, выводы из сравнительного анализа российской и западной моделей государства, предложенного О. Хархординим [20]. Исследователь утверждает, что в обоих случаях речь идет лишь о фикции общих интересов, якобы воплощенных в институте государства. Критика «всего и вся» крайне рискованна для исследователя лишь на первый взгляд. Она ставит под вопрос

саму необходимость каких-либо сознательно проводимых изменений, если все существующее (и потенциально возможное) «неразумно». Поэтому подобная критика парадоксальным образом способствует сохранению сложившегося статус-кво. Четкое определение вектора изменений здесь невозможно в принципе, что превращает самую яростную критику не более чем в состязание в риторике.

Выбор точки отсчета для критики во всех рассмотренных выше трех вариантах (абсолютное добро, абсолютное зло и акцент на относительности) влияет на выбор стратегий, с помощью которых исследователь стремится если не минимизировать, то хотя бы управлять своими рисками. Так, можно говорить о существовании «избирательного сродства» между выбором в качестве точки отсчета абсолютного добра и верой в «просвещенного деспота» как опоры в движении к этому абсолютному добру. Важно лишь найти правителя, пусть и монарха, который бы разделял идеалы исследователя. Именно так поступало большинство деятелей европейского Просвещения, которые, как правило, имели личных покровителей в лице европейских монархов [21: 68]. Один из наиболее свободомыслящих из Просветителей, Вольтер, в частности находил поддержку со стороны германского престола и российской императрицы Екатерины II.

Источником поддержки в критике, имеющей в качестве точки отсчета абсолютное зло, может стать демократическая модель властных отношений. Во-первых, потому что демократия снижает издержки выражения непопулярных мнений [22: 85-6]. Во-вторых, выражаясь словами У. Черчилля, видимо тоже мыслившего категориями выбора наименьшего из ряда зол, «демократия является худшей формой правительств, исключая все те формы, которые были испробованы в различные периоды времени» [цит. по 23: 3]. В-третьих, возможность на основе критики задать вектор изменений вооружает гражданское общество, потенциального актора этих реформ, своего рода «дорожной картой». Наконец, критика в относительных терминах может найти понимание в первую очередь в научном сообществе, точнее, в той его части, которая избирает для исследований сходные координаты.

В каждом из случаев укрепление позиций исследователя в его критике достигается за счет принятия той модели властных отношений, которая воплощена в «просвещенном деспотизме», демократическом правительстве или научной «сети». Иными словами, право на получение «нежелательных» результатов приобретается ценой отказа от

критики определенной модели властных отношений. Конечно, исследователь, чтобы избежать внутреннего стресса, может выбрать ту модель властных отношений, с которой он в наибольшей степени ощущает «избирательное сродство». Однако полностью снять внутреннее противоречие критического подхода таким способом вряд ли удастся. Альтернативой мог бы стать отказ от постоянной привязки к конкретной модели властных отношений, что возможно лишь при использовании «гетеродоксального» и эклектического подхода [предварительный эскиз программы эклектического подхода в экономических науках можно найти в работах 17 и 19], когда для критики одних аспектов в качестве точки отсчета избираются терминальные ценности, других – модель выбора наименьшего из зол, третьих – относительные шкалы.

Наиболее значимые аргументы в пользу отказа от поиска единственного отправного пункта в критике таковы. Прежде всего, единая шкала оценок плохо согласуется со спецификой «сложных» обществ. Так, некоторые элементы «негативной конвергенции» [термин позаимствован в 19: 72-3], делающей обоснованной критику в относительных терминах, могут быть найдены в политической сфере как в США, так и в России, например, использование «черного PR» для дискредитации соперника, осуществление манипуляций с доступом к урнам для голосования, акцент в дебатах не на политических программах, а на вопросах процедуры и т.д. Однако во многих других сферах отличия между этими двумя странами по-прежнему значимы, что делает легитимным использование «абсолютных» шкал. Далее, сама модель человеческого поведения исключает использование единой шкалы для оценки всех аспектов. Например, А. Этциони утверждает, что как минимум два принципа лежат в основе повседневных решений и поступков: полезность (и, следовательно, модель рационального выбора) и моральные обязательства [23: 111]. И если моральные обязательства предполагают использование абсолютной шкалы оценок, то модель рационального выбора не исключает применения ни абсолютных, ни относительных (производных от ординалистской теории полезности) шкал. Наконец, в рамках данной дискуссии ключевой аргумент в пользу комбинирования шкал заключается в том, что он позволяет исследователю критиковать, не будучи привязанным к какой-либо одной модели властных отношений. Иными словами, исследователь перестает быть заложником конкретной модели властных отношений, и в качестве объекта критики, и в качестве точки опоры, что придает особую силу его кри-

тике. «Интересы зависимого субъекта структурированы таким образом, что обоснования [существующего порядка], предлагаемые лицами, наделенными властью, в данном контексте [властных отношений] кажутся ему или ей убедительными. Такие обоснования могут быть поставлены под вопрос только с позиций вне данного контекста» [14: 62].

Находя несколько «точек опоры», исследователь приобретает новые степени свободы в своем анализе. В конечном счете, именно критика в таком ключе наиболее убедительна и потому опасна с точки зрения тех, кто заинтересован в сохранении статус-кво. Подобная критика дает исследователю немыслимую при иных раскладах автономию, одновременно делая его особенно уязвимым. Именно здесь начинается «экстремальная» социология, или социология, «связанная с высоким риском». Ибо риск – это и есть продукт действительной, а не мнимой независимости исследователя в выборе объекта исследования, методологии анализа, теоретических рамок и точки отсчета. Выбор всех этих элементов дизайна исследования тогда может быть подчинен одному, но весьма достойному соображению – поиску истины.

- [1] Christie, Les (2005), 'America's Most Dangerous Jobs', *CNN/Money*, September 23 <http://money.cnn.com/2005/08/26/pf/jobs_jeopardy/ retrieved on Oct. 29, 2005>
- [2] Oleinik, Anton (2003), *Organized Crime, Prison and Post-Soviet Societies*, Aldershot, Hants and Burlington, VT: Ashgate, with a foreword by Alain Touraine
- [3] Tishkov, Valery (2004), *Chechnya: Life in a War-Torn Society*, Berkley, CA: University of California Press, with a foreword by Mikhail Gorbachev
- [4] Wolf, Daniel (1990), *The Rebels: A Brotherhood of Outlaw Bikers*, Toronto, ON: University of Toronto Press
- [5] Humphreys, Laud (1970), *Tearoom Trade*, Chicago, IL: Aldine Press
- [6] Jackson, Winston (1999), *Methods: Doing Social Research*, Scarborough, ON: Prentice Hill and Bacon Canada, 2nd edition
- [7] Babbie, Earl and Benaquisto, Lucia (2002), *Fundamentals of Social Research*, Scarborough, ON: Nelson, a division of Thomson Canada Ltd., 1st Canadian edition
- [8] Ledyaeв, Valeri (1997), *Power: A Conceptual Analysis*, Commack, NY: Nova Science Publishers, Inc.
- [9] Bourdieu, Pierre (1984), *Homo Academicus*, Paris: Editions de Minuit
- [10] Kuhn, Thomas (1963), 'Scientific Paradigms', in: Barnes, Barry, editor (1972), *Sociology of Science: Selected Readings*, Harmondsworth, UK: Penguin Books, pp. 80-104
- [11] Merton, Robert (1973), *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*, Chicago and London: the University of Chicago Press, edited and with an introduction by Norman Stoper
- [12] Воронков, Владимир (2004) 'Этот безумный, безумный, безумный количественный мир', *Социологический журнал*, No. 35 (специальный выпуск «Спор о методах»)
- [13] 'Nine Commentaries on the Chinese Communist Party' (2004), *The Epoch Times*, December <<http://ninescommentaries.com/> retrieved on Oct. 30, 2005>
- [14] Beetham, David (1991), *The Legitimation of Power*, Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International, Inc.
- [15] Кейнс, Джон (1936), «Общая теория занятости, процента и денег», в кн. Кейнс, Джон (1993), *Общая теория занятости, процента и денег*, Москва: Экономика

- [16] Yaney, George (1973), *The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711-1905*, Urbana, IL: University of Illinois Press
- [17] Kornai, János (1997), *Struggle and Hope: Essays on Stabilization and Reform in a Post-socialist Economy*, Cheltenham, UK and Northampton, MA: Edward Elgar
- [18] Ефимова, Екатерина (2004), «Современная субкультура как «маргинальная» устная культура», и Олейник, Антон (2004), «Маргиналы или мажоры: как субкультура становится элементом культуры», No. 36 (специальный выпуск «Тюрьма в России: закрытое (со)общество»)
- [19] Andreff, Wladimir (2003), *Н с " о w v c v k q p " f g u " 2 e q p q o k c p c n { u g " 2 e q p q, Дакисллгматан v g t p c v k x g*
- [20] Kharkhordin, Oleg (2001), 'What is the State? The Russian Concept of *gosudarstvo* in the European Context', *History and Theory*, 40: 206-240, May
- [21] Malia, Martin (1999), *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*, Cambridge, MA and London: The Belknap Press of Harvard University Press
- [22] North, Douglass (1990), *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge: Cambridge University Press
- [23] Rose, Richard and Mishler, William (1995), 'What are the Alternatives to Democracy in Post-Communist Societies?', *Studies in Public Policy*, No. 248
- [24] Etzioni, Amitai (2003), 'Toward a New Socio-Economic Paradigm', *Socio-Economic Review*, 1: 105-134

" психолог" Фонда социальных исследований (г. Самара)

" , руководитель исследовательской Группы ЦИРКОН (г. Москва)

" , Президент Фонда социальных исследований (г. Самара)

" , директор центра информации и социологических исследований "Спектр" (г. Ноябрьск)

" , директор' Фонда социальных исследований (г. Самара)

" , доцент кафедры институциональной экономики Государственного университета – Высшая школа экономики

" , " директор Центра социально-экономических исследований (г. Вологда)

" , директор Института общественного мнения "Квалитас" (г. Воронеж)

" , сотрудник Фонда социальных исследований (г. Самара)

" , директор Центра изучения общественного мнения "Симакс" (г. Уфа)

" , директор" Центра аналитических исследований и разработок (г. Казань)

" , директор научно-исследовательского центра "Горизонт-М", (г. Надым)

" , сотрудник Центра аналитических исследований и разработок (г. Казань)

" , директор Института социального маркетинга (г. Москва)

" , директор Калининградского социологического центра (г. Калининград)

:

17 63 : "   ó"   "   "   "   "

© Содержание - Авторский коллектив 2005

© Составление и техническая редакция – И.Задорин, А.Стожаров 2005

Лицензия на издательскую деятельность ИД №02251

Выдана 13 июня 2000 г.

Сдано в набор 28.12.2005. Подписано в печать 23.01.2006 г.

Бумага офсетная. Формат 60x84/16. Гарнитура «Times». Печать офсетная.

Уч. печ. л. 7. Тираж 300 экз.

Издательство «Чароид»

г. Екатеринбург, ул. М.Сибиряка, 145, оф. 297.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ИП Данилова.

Адрес типографии: 623751, Свердловская обл., г. Реж, ул.Кошевого, 16.

Зак. №322.

